

АНТУАН АРЖАКОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

*Анатомия
русской души*

Антуан Аржаковский

Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву

Анатомия русской души

Издательские решения

По лицензии Ridero

2019

УДК 82-9
ББК 76.01
А80

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Аржаковский Антуан

А80 Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву : Анатомия русской души / Антуан Аржаковский. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 126 с.
ISBN 978-5-0050-4376-4

Русская душа больна, давно и серьезно. Больна до такой степени, что в ближайшие годы Россия может погрузиться в хаос.

И все же у русской души огромные внутренние резервы, которыми ей нужно воспользоваться как можно скорее, если она хочет избежать нового насилия. Эта духовная работа по смирению должна сопровождаться попыткой понять болезни русской души. Ибо у неё есть друзья — в России и в мире, которые готовы ей помочь раскрыть свои духовные возможности и способствовать исцелению русской нации.

**УДК 82-9
ББК 76.01**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Антуан Аржаковский, 2019
© Елена Аржаковская-Клепинина (Париж,
ISBN 978-5-0050-4376-4 2018), перевод, 2019

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	6
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	9
11:30	21
15:30	23
18:00	30
22:00	45
МАНДРОГИ	48
КИЖИ	60
15:29	63
18:00	65
22:30	71
ГОРИЦЫ, КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ	85
УГЛИЧ	96
МОСКВА	100
ПОСЛЕСЛОВИЕ	123

*Сущность народа, как и отдельного
человека, определяется тем, во что он
верит, как он понимает предмет своей
веры, и что он делает для ее
осуществления. Так как вера,
не оправдываемая ни разумом веры, ни
делами веры, есть только кажущаяся, то
эти три определения сводятся к одному:
сущность народа, как и человека, в том,
во что он взаправду верит.*

*Владимир Соловьев, Воскресные письма:
Что такое Россия?*

(23 февраля 1897 г.)¹

¹ Соловьев В. С. Собрание сочинений. Том X (1897—1900). СПб, — с. 12.

Предисловие к русскому изданию

Спустя год после моей поездки на круизном теплоходе из Санкт-Петербурга в Москву, когда мои заметки об этом путешествии вышли на французском языке, мне предложили снова проплыть тем же маршрутом. То было летом 2018 года.

В этом году уже никто не говорил о президентских выборах. В этот раз все мысли россиян (по-прежнему дезинформированных о войне с Украиной) были только о чемпионате мира по футболу и об успехах своей сборной. А Президент Путин тем временем спокойно подписал приказ о повышении пенсионного возраста и принимал поздравления от глав иностранных государств. Он даже позволил себе такую роскошь, как поездку на саммит в Хельсинки, где Дональд Трамп публично выразил доверие Путину и опроверг сообщения своих же спецслужб о вмешательстве Кремля в президентскую кампанию 2016 года. Пока лидеры России и США декларировали свою поддержку нелиберальных режимов, бывший стратег Трампа Стив Бэннон основал в Брюсселе политическую организацию, призванную объединить европейские популистские партии, уже заручившиеся покровительством Кремля, намереваясь повлиять на результаты выборов в европарламент, которые состоятся в Страсбурге в мае 2019 года. Невзирая на многочисленные акции протеста и заявления представителей интеллигенции в поддержку политзаключенного Олега Сенцова, В. Путин позволил себе оказать давление на западные компании, работающие в России, вынудив Business France закрыть свое представительство в России. Однако Президент Макрон продол-

жает, несмотря ни на что, выступать за развитие торговли с Россией и даже признал, что французская гуманитарная помощь в Сирии распространяется российской армией.

В такой все более взрывоопасной международной политической обстановке я решил принять участие в круизе по Волге, чтобы посетить Нило-Сорскую пустынь. К своему удивлению, я обнаружил, что если не считать заброшенного креста, поставленного в 2008 году на опушке леса, от скита великого русского святого в Пустыни не осталось и следа. А на территории основанного Нилом монастыря, — в месте высочайшей русской святости, — теперь размещается... психоневрологический диспансер. Это открытие подтвердило мой диагноз 2017 года. Русская душа больна, давно и серьезно. Больна до такой степени, что в ближайшие годы Россия может погрузиться в хаос. Более того, пока духовные болезни русской души не исцелены, этот хаос вполне можно будет списать на «бесхозяйственность лидеров», которых разъяренные толпы приведут к власти. От негодования и обиды люди снова начнут предаваться ностальгическим воспоминаниям о мнимой «стабильности старого режима», «пусть даже этот режим и был деспотичным». Это неизбежно приведет к тому, что «Российская Федерация» развалится, точно карточный домик (как это случилось с СССР в 1991 году), или как предсказал в своем пророческом романе «Москва-2042» великий русский писатель Владимир Войнович; к тому, что бывшие аппаратчики, прикрываясь псевдорелигиозными лозунгами «За имперскую гордость нации», поднимут народ на поиски козлов отпущения и мести за пережитые им «унижения».

И все же, как я пытаюсь показать в этой книге, у русской души огромные внутренние резервы, которыми ей нужно воспользоваться как можно скорее, если она хочет избежать нового насилия. Эта духовная работа по смирению должна сопровождаться попыткой понять болезни русской души. Ибо у неё есть друзья — в России и в мире,

которые готовы ей помочь раскрыть свои духовные возможности и способствовать исцелению русской нации.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Суббота, 24 июня, 9 часов утра.

Речной вокзал, на борту теплохода «Василий Кандинский».

Наконец, мы на месте. Наша группа отправилась в Петергоф, а я сижу на корме «Василия Кандинского», пришвартованного на несколько часов в порту Санкт-Петербурга. Двое суток ушло у меня на то, чтобы позабыть о парижских заботах и проникнуться особой атмосферой не круиза, а, пожалуй, паломничества. Два года минуло с тех пор, как в июле 2015 года отец Ж. предложил мне принять участие в путешествии по Волге и рассказать паломникам о русской духовности. Врученный мне буклет рекламировал ни больше, ни меньше как «откровение русской души на Волге».

Это была прекрасная возможность вернуться в столь близкую моему сердцу и оставившую по себе столько воспоминаний страну — ведь в России я прожил шесть лет, и не возвращался туда после 2000 года, то есть после начала президентского правления Владимира Путина... Я знал, что русской душе после этих выборов пришлось не раз вкусить горечи отчаяния, и российская власть наносила ей удары один за другим, начиная со времен Чеченской войны. Я с болью наблюдал за этой резней. Я тем более не могу умолчать о необъявленной войне России против Украины, и написал книгу «Россия-Украина: от войны к миру?», опубликованную в июне 2014 года¹ и переведенную затем

¹ Arjakovsky, Antoine. Russie — Ukraine, De la guerre à la paix? Paris, 2014. Русский перевод <https://graniru.org/files/85943.pdf> вышел в 2014 году. См.: Аржаковский, Антуан. Россия — Украина: от войны к миру? URL:

на английский, русский и украинский языки. Однако душа моя была не спокойна — я должен был приехать в Россию. Поэтому я принял приглашение отца Ж., и мы провели десять дней в путешествии из Москвы в Петербург — из одной исторической столицы России в другую.

Я был растроган, взволнован, взбудоражен — и мне пришла в голову идея начать вести путевой дневник. Ведь недаром великий русский поэт Александр Пушкин написал свое «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835)?² Это был его ответ на другое знаменитое путешествие, вошедшее в историю русской мысли — по тому же маршруту, правда, *в обратную сторону*. Пушкин полемизировал с Александром Радищевым, русским аристократом, получившим образование в Лейпциге и знакомым с творчеством Ж.-Ж. Руссо. Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», написанная в духе французского Просвещения, была опубликована в 1790 году. В своей книге Радищев выступил с критикой не в меру разбухшего государственного аппарата, крепостного права, цензуры... Русский аристократ даже дерзнул высмеять современные ему религиозные воззрения, сравнивая Бога православной Церкви с индуистским Брахмой. Но поскольку этот памфлет был написан в форме путевых заметок, он смог обойти цензуру. К тому же, Радищев был начальником Петербургской таможни, и в его распоряжении находилась типография. Однако он всё же разгневал Екатерину II, которая сказала, что он революционер и «бунтовщик, хуже Пугачева», что отнюдь не было комплиментом в ее устах. Дело дошло до того, что через два месяца императрица повелела книгу изъять, а автора приговорить к смерти. Правда, смертный приговор был в итоге заменен ссылкой в Сибирь.

<https://graniru.org/Society/History/m.252261.html>.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений, т. VI.

В 1801 году Радищев был помилован Александром I, но книга оставалась под запретом вплоть до революции 1905 года.

Путевые заметки Радищева ознаменовали рождение русской интеллигенции. Александр Пушкин же в своем «ответе» Радищеву защищал установления двора, которые, по его мнению, следует соблюдать, и не очень высоко оценил слог Радищева. В действительности же Пушкин понимал, что «Путешествие» Радищева — это бомба замедленного действия для русского государства. Полтора века спустя, в 1970 году, уже в советскую эпоху, Пушкину не преминул ответить Венедикт Ерофеев. Его знаменитая книга «Москва-Петушки» — это до упаду смешной рассказ о поездке героя в состоянии сильного алкогольного опьянения в пригородной электричке. Он вспоминает о философском диспуте со своим профессором во время учебы в Сорбонне и приводит забавные рассуждения об икоте, которую нельзя ни измерить, ни предотвратить, потому что «икота — выше всякого закона». Между двумя спазмами икоты, вызванными, вероятно, проглатыванием лака для ногтей, герой Ерофеева обрушивается на «русскую идею», продвигаемую и Петром I, и Пушкиным (о трагической гибели которого он без конца напоминает). После волнующей встречи с «Царицей Небесной», явившейся герою в тот момент, когда иссякли его запасы спиртного, его находят мертвецки пьяным в вагоне. В. Ерофеев умер в 1990 году, уже после падения Берлинской стены, горько сетуя на то, что русская интеллигенция так превозносила воспевавшего империю Пушкина. Наши современники, последователи Ерофеева, писатели Ольга Седакова, Виктор Пелевин и Дмитрий Быков, уже не станут глотать лак для ногтей, дабы забыться в постсоветской действительности. Но все они признают свою связь с Венедиктом Ерофеевым, и каждый из них написал свою личную литературную одиссею в русскую историю.

Независимо от того, согласны они с Радищевым или нет, но для всех для них — для Ерофеева и Пушкина, Герцена и Бердяева, как и для Николая Карамзина — Радищев был не только «честным человеком», но и первым русским интеллигентом. Его борьба за *правду*, а это слово в русском языке означает не только истину, но и справедливость, делает его продолжателем всех тех, кто в русской истории — от князей Бориса и Глеба до протопопа Аввакума — отдали свою жизнь ради общего блага. И не случайно, что первым революционным памятником, воздвигнутым большевиками по личному указанию Ленина в Петрограде в 1918 году, был памятник Радищеву.

Я сразу увлекся идеей продолжить эту двухвековую дискуссию о подлинной социальной справедливости и о судьбах России — эти темы всегда занимали русскую интеллигенцию. Русская душа больна — это воспринимается как данность уже на протяжении нескольких столетий. И не я первый ставлю такой диагноз — достаточно прочесть «Мертвые души» Гоголя или «Бесов» Достоевского. Современный историк, поднимающий вопрос о болезни русской души и об обострении этой болезни за последние двадцать лет, спрашивает также, в чем эта болезнь состоит, и самое главное: излечима ли она?

И хотя браться эту необъятную и трудную тему, подбирая нужные слова, представлялось мне задачей непростой, я все же постарался дать ответ на эти вопросы. В своей недавней публикации я выступил с резкой критикой Кремля и войны России против Украины и попытался осмыслить будущее этих двух стран.¹ Возможно это прозвучит самонадеянно, но я уже пытался ответить на эти вопросы в своем исследовании мифологемы «святой Руси», идеализированной в знаменитой картине Нестерова, в своих работах о русской религиозной мысли,² изучению

¹ См. прим. 2.

которой я посвятил тридцать лет жизни, а также во время своих многочисленных поездок по России. Не является ли путевой дневник, отличающийся непринужденностью и легкостью формы, лучшим способом осуществить подобное намерение?

Кроме того, я обнаружил, что Радищев черпал свое вдохновение во французской философской мысли, и прежде всего, в «Философской и политической истории о заведении и коммерции европейцев в обеих Индиях» аббата Гийома Тома Рэйналя (1713—1796). Это типичное произведение эпохи Просвещения, написанное при участии Дени Дидро и почти забытое в наше время, является одним из ранних примеров критики колониализма. После публикации этой книги Рэйналь вынужден был эмигрировать в Швейцарию, а затем в Германию. Сегодня вспоминают лишь о письме 1791 года, адресованном депутатам Национального собрания в связи с критикой их радикализма: «Я напоминал королям об их обязанностях, позвольте же мне теперь указать народу на его ошибки». Что касается Радищева, то в книге аббата Рэйналя он обратил особое внимание на резкую критику работорговли и смелость аббата в его обращениях к колониальным властям. История интеллигенции — это история европейская. С другой стороны, и история Европы в целом зиждется на совести ее интеллектуалов, как в положительном, так и в отрицательном смысле. В общем, в начале июля 2015 года, плывя по залитой солнцем Волге, я записывал всё, что видел и слышал.

Но довольно скоро мне стало ясно, что, не имея под рукой необходимых для этого книг, я не сумею толком объяснить своему современнику, что такое «русская душа». Мне нужно было время, чтобы найти веские аргу-

² Аржаковский, Антуан. «Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции» // Журнал «Путь» (1925—1940). Париж-Киев: Дух и Литера, 2000.

менты, способные убедить как русских, так и украинцев возобновить диалог о том, что их разделяет и что у них общего, об их приобщенности к Европе и о перспективах их взаимоотношений с Евросоюзом. Стало быть, мне нужно будет процитировать таких серьезных авторов, как Михаил Геллер или Александр Солженицын, Мирослав Маринович или Райнхарт Козеллек. Поэтому я решил возьмусь за свой путевой дневник попозже.

Но как быть с этим «попозже», если происходившие события — всё более обострявшаяся война между Россией и Украиной — не отпускали меня. Вместе с другими авторами я должен был напрямую обратиться к французской общественности, впавшей в соблазн великого союза с Россией. Необходимо было объяснить, что можно быть другом русского народа, не участвуя в играх с российской коррумпированной властью. Ради нашей давней любви, которая для кого-то выражалась в загадочности «русской души», а для кого-то — во французско-советской дружбе, любви, которую разделяют многие французы, независимо от того католики они или коммунисты, необходимо было напомнить о важности правового начала в международных отношениях. И прежде всего нужно было бороться против российской пропаганды, распространявшей столько лжи или полуправды в отношении Украины. Мы вступили в «эпоху пост-правды», как говорили в 2016 году.

Я собрал группу историков, объединенных желанием проанализировать историю европейского сознания на основе метода «перекрестных» взглядов. Следует отметить, что еще в 2009 году Европарламент принял декларацию «Европейское сознание и тоталитаризм», которая вызвала гневную реакцию Кремля. Этот документ осуждал любую тоталитарную идеологию, будь то коммунистическая, нацистская или какая-либо другая. Эта декларация призвала к осуждению преступлений коммунизма, согласуясь с вынесенным в 2006 году решением Парламентской ассамблеи Совета Европы, но она шла

вразрез с тенденцией неосталинизации национальной памяти в России.

Декларация была принята 533 голосами, 44 депутата проголосовали против, 33 воздержались. Кроме того, 2 апреля 2009 года Европарламент обратился к государствам-членам ЕС, а также к другим европейским государствам с предложением провозгласить 23 августа «Европейским днём памяти», чтобы с достоинством и беспристрастностью почтить память «жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов».

Вместе с Еврокомиссией и в сотрудничестве с Европарламентом, открывшим интернет-сайт, посвященный европейской истории, этот исторический вызов был принят и парижским Бернардинским колледжем. Осознавая трудности, с которыми до сих пор сталкиваются историки в осмыслении общеевропейской истории, я предложил новый подход к пониманию европейского сознания, основанный, предложив обсудить самые разные точки зрения, и открытый для участия всех европейцев. Результатом этих инициатив стала книга, предисловие к которой написал бывший Председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй.¹ Она вышла в 2016 году и позднее была переведена на польский и английский языки. Что может быть более насущным, чем обезвреживание бомб замедленного действия на национальных и идеологических границах нашего сознания? Разве не отказался председатель российской Думы Сергей Нарышкин «из соображений морали и нравственности» проводить параллель между преступлениями нацизма и коммунизма? А это противоречит исторической концепции, представленной 6 мая 2017 года во время открытия Нового музея европейской истории в Брюсселе

¹ *Histoire de la conscience européenne*, sous la direction d'Antoine Arjakovsky. Paris: Salvator, 2016.

в присутствии Президента Европарламента Антонио Таяни.

На одно из организованных мною в 2016 году научных заседаний в Париж приехал Константин Сигов, один из ведущих современных украинских интеллектуалов. Он говорил о необходимости обсуждения проблемы перехода от *homo sovieticus* к *homo dignus*. Начать, с его точки зрения, следует с критики коммунистического прошлого до наших дней. И это касается не только Украины. Ибо идеология коммунизма, которая еще не спешит сдавать свои позиции, ознаменовала всю историю Европы. Татьяна Викторова, блестящая русская исследовательница, говоря о европейском прошлом, отраженном во многих мифах Европы и мира, привела, цитируя Жана-Клода Карьера, неожиданное сравнение: «Европа вела себя подобно Дон Жуану: захватив эти страны, она обольстила и овладела ими, а затем бросила». Из слов Татьяны было очевидно, что Россия — не только колониальная империя, но и великая держава, внесшая свой вклад в мировую литературу. И стало быть, она не может быть исключена из европейской истории, несмотря на то, что по причинам, требующим изучения, она по-прежнему не способна мыслить себя вне имперских категорий. В любом случае, после тщетного двухвекового спора славянофилов и западников русским, наконец, нужно перестать считать себя независимым «целым» и сделать шаг навстречу другому «целому» — Европе.

В сборнике статей 2015—2016 годов: «Запад-Россия: как преодолеть конфликт?», я объяснил, опираясь на факты и бесспорные аргументы, что с исторической точки зрения Крым и Донбасс в XXI веке могут сыграть точно такую же роль, как веком раньше Эльзас и Лотарингия. За последние два года всё больше людей начинают осознавать смысл происходящего в Мариуполе и Алеппо, смысл терактов в парижском Батаклане и в петербургском метро. Мир оказался в эпицентре извержения вулкана, который вот-вот прорснется. Я также узнал, что с января 2017 года Кремль

пытается выйти из Минских договоренностей. Участились теракты в Киеве. Под российские бомбардировки в украинском Донбассе все чаще попадают гражданские объекты — госпитали, школы, заводы. Растет число кибератак за пределами Украины. С мая 2017 года Россия признает гражданство самопровозглашенных республик Донецка и Луганска. Владислав Сурков, бывший заместитель председателя российского правительства, один из основателей партии «Единая Россия» и специальный советник В. Путина по делам Украины, цитирует слова своего представителя в Донбассе, «президента» так называемой Донецкой республики Александра Захарченко о планах восстановления «Малороссии». Использование этого старого названия, применявшегося сто лет назад в отношении региона Российской империи, свидетельствует об отсутствии у кремлевских руководителей исторического сознания. Идея воссоздания гипотетического государства «Малороссия» — весьма полезная, по мнению В. Суркова, имеет не больше шансов на успех, чем воссоздание в 2014 году региона «Новороссия». Это, однако, говорит о том, что один из ближайших советников Путина рассматривает Донецк и Луганск в качестве рычагов противодействия целостности современной демократической Украины. В своей книге я предложил подключить гражданское общество к разрешению конфликта (как средство неотложной помощи). В частности, это призвано сподвигнуть российских, украинских и французских интеллектуалов вместе осмыслить прошлое ради исцеления невидимых опухолей русской, украинской или французской души. Действительно, давно пора исследовать подлинные причины раскола между Россией и Украиной и начать диалог историков, придерживающихся схожей оценки событий, близких к «Мемориалу» в России или к «Могилянской академии» в Украине.

Я был рад, когда президент Эмманюэль Макрон, знакомый с опытом Германо-Российского форума, поддержал эту идею в июне 2017 года. Хотя я не был уверен,

что правительства Франции и России возьмутся за финансирование этого проекта, а не отложат рассмотрение вопроса о защите справедливости в долгий ящик. К тому же, я сомневался в том, что они готовы привлечь украинских интеллектуалов к двусторонним переговорам между Францией и Россией и готовы убеждать русских выдвигать в качестве участников самых открытых и компетентных представителей гражданского общества и доверять независимым экспертам. Мое участие в форуме европейских и российских интеллектуалов, организованном в октябре 2016 года музеем Vozar в Брюсселе, убедило меня в необходимости соответствующего финансирования для успешного осуществления подобного проекта. Ведь несколько тысяч евро — это ничто по сравнению с миллиардами, затрачиваемыми государством на национальную оборону. Кроме того, рассчитывать на успех подобного форума можно лишь в том случае, если он объединит в своих рядах не аппаратчиков или художников-чудаков, а интеллектуалов и деятелей культуры, уважаемых в гражданском обществе за свое независимое мнение и компетентность. Ибо путь к успеху узок и тернист.

К тому же стало очевидно, что русским нужна помощь, чтобы они смогли с достоинством преодолеть наследие исполненного страданиями коммунистического прошлого. Разве не ясно, что в обществе, поверившем в то, что оно сумеет освободиться от коммунизма, лишь соблюдая баланс между спросом и предложением, снова подул холодный ветер ненависти? Неужели не понятно, что волна популизма, захлестнувшая в последние годы Европу, может привести к новому мировому конфликту, причем вовлеченными в него окажутся и государства, решившие найти козлов отпущения? В период холодной войны немцы, потерпевшие поражение по второй мировой войне, оказались перед выбором: идти путем добра, или путем зла. В Западной Германии интеллектуалы-реформаторы исходили из результатов Нюрнбергского процесса.

Но в России не было «Нюрнбергского процесса» над коммунизмом. Поэтому на исходе эры Ельцина бывшая коммунистическая элита смогла с такой легкостью вновь взять бразды правления страной и при этом упрекать демократов в том, что они ввергли Россию в «хаос 90-х годов». Эта далекая от реальности интерпретация событий 1990-х годов муссируется и сегодняшними СМИ. Нет, мы не забыли об обвале рубля 1998 года и о последовавшем за этим обнищании населения. Но очевидно тут следует напомнить, что большинство в Думе к этому времени уже три года как принадлежало коммунистам, а не демократам.

Франция в этом деле могла бы оказать существенную помощь, ибо в этой некогда могущественной империи на протяжении полувека проходит процесс деколонизации, и после эпохи Виши благодаря таким историкам, как Анри Руссо, здесь достигнут значительный прогресс в объективном формировании коллективной памяти и в изменении сознания в высших эшелонах власти. Немцы тоже проделали важную историографическую работу, которая выразилась в споре историков (*Historikerstreit*) 1986—1987 годов. Отвергая тезис об *особом пути Германии* (*Deutscher Sonderweg*), согласно которому источник зла следует искать в немецкой философской культуре, и считая недопустимым унижение национального величия, Эрнст Нольте пытался обосновать нацистское прошлое Германии реакцией на большевистскую угрозу и связывал рост тоталитарных режимов с европейской гражданской войной 1917—1945 годов. С резкой критикой позиции Нольте выступил Юрген Хабермас в своей статье против «апологетических тенденций в немецкой историографии», опубликованной 11 июля 1986 года в газете *Die Zeit*. По мнению британского историка Яна Кершоу, автора фундаментального исследования о Гитлере, эти два подхода следует объединить.¹

Важно, что и французские, и немецкие историки распрощались с националистическим богословско-политиче-

ским подходом, согласно которому французы или немцы являются единственными наследниками Священной Римской Империи, а ее император единственным наместником Бога на земле. Помимо этого, Райнхарт Козеллек предложил дополнить историю победителей историографией побежденных.² Со своей стороны, Жорж Дюби, а затем и Пьер Нора, не только поставили крест на мнимой победе при Бувине (1214), этом символе коллективного сознания французов, но также постулировали новый метод, основанный на непрерывном конфликте между историей и памятью.³ Разумеется, история нарушает покой и приносит страдания, как с сожалением говорил Поль Рикёр, она может приводить к столкновению взглядов, если больше не укладывается в установленные обществом рамки. Однако десакрализованная история способна различать божественное и человеческое, не исключая их возможной встречи. Это новое понимание истории явилось примирительным и совпало с возникновением Европейского экономического сообщества.

Так или иначе, но задуманный мною путевой дневник и мое желание поставить новый диагноз патологии русской души и помочь русским и украинским интеллектуалам осознать наступивший для них *каρρός*, остались нереализованными. Поэтому, когда в октябре 2016 года мне снова предложили отправиться на теплоходе «Василий Кандинский» из Санкт-Петербурга в Москву — на этот раз в обратном направлении, я согласился, не колеблясь ни одной минуты.

Словно бы сам Радищев меня приглашал...

¹ Кершоу, Ян. Гитлер. Ростов-на-Дону, 1997.

² Kosellek, Reinhart. *Expérience de l'Histoire*. Paris, 1997.

³ Duby, Georges. *Le Dimanche de Bouvines*. Paris, 1973.

11:30

Вот уже двое суток как я в Санкт-Петербурге. Сейчас самый разгар белых ночей, но погода довольно пасмурная.

Свои прогулки я начал с того, что посетил 22 июня «Дом книги» на Невском проспекте. Гуляя по Невскому, я то и дело взволнованно думаю о дорогом мне Николае Гоголе, самом русском из украинских писателей.¹ Еще я думаю о святом князе Александре Невском — посвященный ему монастырь располагается в самом начале проспекта. А эта личность связана как с историей Киевской, так и Новгородской Руси, с которыми Русь Московская осознает символическую преемственность как в политическом, так и в культурном и религиозном смысле. Вопреки воле Петра Великого то ли по халатности рабочих, а может быть, по гениальной идее проектировщика — кто знает? — но Невский проспект не прямой...

Чтобы подготовиться к кризису, нужно было прочитать или перечитать кое-какие тексты, посмотреть или пересмотреть некоторые фильмы. Я хотел до поездки посмотреть последний фильм Звягинцева «Нелюбовь», получивший в 2017 году приз жюри в Каннах. Но у меня не хватило духу — слишком болезненно было бы снова погрузиться в бездну, в которой пребывает русское общество. Еще «Левиафан» 2014 года потряс меня для глубины души. Самое печальное то, что в России, за исключением небольшого числа провидцев — и в первую очередь самого Андрея Звягинцева — мало, кто готов принять этот тяжелый диагноз. Словом, чтобы попытаться за пару часов проникнуть в душу народа, не лучше ли обратиться к появившимся за последние два года публикациям?

¹ Вспомним его «Петербургские повести» (1835), где он пишет о Невском проспекте.

Именно так поступил Пушкин, прежде чем отправиться в путь. Он зашел к старому другу, у которого была прекрасная библиотека. По словам Пушкина, там на глаза ему попала книга Радищева. По возвращении из путешествия Пушкин решил написать ему ответ, в котором он прославлял Россию и императора Николая I.

Купив трехтомную «Историю России. XX век», изданную под редакцией моего друга историка Андрея Зубова, я понял, что едва ли завершу свое путешествие прославлением путинской России. Интересно, что эта книга имела судьбу, сходную с повестью Радищева. Андрей Зубов, профессор престижного МГИМО, подготовил это издание объемом более 3000 страниц в 2005—2016 гг. при участии большой группы историков. Первый том, охватывающий период с 1894 по 1922 гг., вышел в 2009 г. тиражом 50000 экземпляров. Когда в марте 2014 года он завершал редактирование второго тома своего трехтомника, Путин аннексировал Крым. Андрей Зубов публично выступил с осуждением произвола России, нарушившей существующие международные соглашения. Через три месяца историк был исключен из профессорско-преподавательского состава МГИМО. Второй том его «Истории России», охватывающий самый болезненный для современного русского сознания период сталинского правления, был издан тиражом всего в 2000 экземпляров, что смешотворно для российских масштабов. Третий том, посвященный периоду 1958—2008 гг., хотя и мизерным тиражом, но все же удалось издать в 2016 году с язвительным предисловием автора. Этого трехтомника по-прежнему не было в продаже, но я смог купить его «из-под полы» благодаря любезности продавщицы.

При этом в магазине на видном месте были выставлены книги официальных идеологов режима, таких как бывший дипломат, ныне живущая в Париже Наталия Нарочницкая, которая мечтает своим трудом «Русский код развития» содействовать возрождению «христианских

ценностей». Здесь же книги Николая Старикова — хоть и не столь известного, но уже ставшего сегодня главным пропагандистом путинских мифов: в любом случае, его блог позволяет определить амплитуду колебаний пропаганды режима. От него не отстают и нынешний министр культуры Владимир Мединский, автор трилогии «Мифы о России», рекламируемой как самое популярное историческое исследование в современной России...

Продавщица протянула мне трёхтомник Зубова с таким странным выражением лица, словно она хотела сказать: «Забирайте и скорей отходите от прилавка!». Во всяком случае, мне показалось, будто моя официально оплаченная покупка носила какой-то нелегальный характер — и я поспешно вышел.

И хотя за несколько недель Андрей Зубов стал голосом совести российской интеллигенции, его профессиональное и социальное положение резко ухудшились. Так, в 2014 году Оппозиционная «Новая Газета» заключила с ним договор о предоставлении ему интернет-сайта для видеотрансляции его докладов по истории России. Но вчера, то есть 23 июня, Андрей Зубов известил своих друзей по фейсбуку о том, что видеотрансляций больше не будет «по коммерческим соображениям»... В общем, за время своего путешествия я решил прочесть фундаментальный труд Зубова. Тем более что перед тем как отправиться в путь, я написал ему о своем приезде. Он ответил мне с присущей ему теплотой, и мы договорились в следующую пятницу поужинать у него дома в Москве.

15:30

Всякое путешествие предполагает встречи с незнакомыми людьми и располагает к быстрому дружескому сближению с ними. Это меня поразило еще два года назад

во время моей предыдущей поездки. Мои спутники, будучи людьми глубоко духовными, были готовы заплатить за довольно дорогое путешествие, не только чтобы отдохнуть и открыть для себя новую страну, но прежде всего — чтобы пережить нечто незабываемое и обогатиться опытом новых встреч. Я только что позавтракал с одной из них — моя сотрапезница не пошла в город из-за легкого недомогания, я же отказался от очередного посещения Адмиралтейства. Я бы предпочел посетить музей-квартиру Анны Ахматовой, но к моему сожалению, его почему-то никогда нет в программе турагенств. К тому же, мне хотелось сесть и записать свои первые впечатления от путешествия, попытавшись зафиксировать самое главное.

А. С.¹ — в целях сохранения конфиденциальности я не всегда буду приводить имена своих собеседников — три недели тому назад вышла на пенсию. Эта кальвинистка родилась в Эльзасе, но живет под Лозанной, где она долгое время работала домашней медсестрой. Сейчас она является членом одного из экуменических молитвенных братств и посвящает этому большую часть своего времени.

Этот паломнический круиз по России — своеобразная награда за ее многолетний труд. К тому же, ее сын женился на русскоговорящей казашке. А. С. хочет выучить русский и приобщиться к русской культуре для того, чтобы ближе познакомиться с семьей невестки, которая не говорит по-французски. Довольно скоро наш разговор коснулся темы, которая ее очень волнует, а именно — возможность отдельных лиц помочь потенциальным самоубийцам покончить с собой. (Несколько лет назад в Швейцарии была легализована эвтаназия). Мне трудно судить об этом, так как мне неизвестно, как в действительности происходит легализация суицида, но, по мне-

¹ В большинстве случаев я указываю только инициалы моих собеседников, чтобы сохранить конфиденциальность наших встреч.

нию А. С., это препятствует злоупотреблениям. Я уважительно отношусь к тому, какое значение протестанты придают свободе личности, но все же считаю, что французский закон, предложенный в 2005 году Жаном Леонетти, предлагает более полный ответ на вопросы о добровольном прекращении жизни. В соответствии с этим законом, каждый человек — по соглашению с родными и медперсоналом — имеет право лично решать, жить ему или умереть.

Этот разговор показал мне, насколько насыщена духовная жизнь моих спутников. И хотя большинство из них уже пенсионеры, они с интересом ожидают знакомства с новой страной, предвкушая новые открытия в духовном мире. Это возлагает на меня большую ответственность при подготовке первой лекции по истории православной Церкви.

Вчера у памятника Достоевскому (удобный случай сфотографироваться, как все туристы, на его фоне, ибо никто не сумел понять бездонности русской души глубже, чем этот великий писатель) я встретился с православным священником отцом Г., одним из самых блестящих интеллектуалов своего поколения. Я не был с ним лично знаком, и его координаты со свойственной ему любезностью дал мне отец А. из Шеветоньского монастыря. Мы с отцом Г. зашли в его любимую пельменную, расположенную, как он мне объяснил, между домом, где жила автор «Реквиема», и домом, где жил автор «Братьев Карамазовых». Мы сразу почувствовали взаимное расположение.

Отец Г. — человек интеллигентный, сердечный и остроумный. Он с уважением говорит о своих детях, которым он передал свою любовь к истории. Он с пиететом относится к православному богословию Парижской школы, к Антону Карташову, Николаю Бердяеву, Георгию Федотову... Он разочарован тем, во что превратился Православный Богословский Институт преп. Сергия в Париже,

«который следовало бы закрыть еще в 1950-е годы». Я распознал в нем человека, который «прощупывает» своего собеседника. Сначала он «выпускает пар», но когда замечает реакцию собеседника, готов пояснить свою мысль. Да, нельзя не согласиться — Парижская школа переживает кризис, но я не мог не отметить, что в 1991—1992 гг., будучи молодым библиотекарем Института, я с восторгом слушал лекции Оливье Клемана, подлинного мастера богословия. В отце Г. я снова увидел, казалось совсем забытые, проявления двойственности сознания, типичные для травмированной ментальности.

Довольно скоро мы перешли к вопросам, волнующим нас обоих. Отец Г. Далек от мысли, что создание органа, объединяющего епископов различных юрисдикций, способно ослабить резкое противостояние различных ветвей украинского Православия. По его мнению, Украинская Православная Церковь будет признана Константинополем после смерти 88-летнего патриарха Филарета и после избрания нового патриарха. И тогда Русской Церкви не останется ничего другого, как принять это решение, чтобы не оказаться отринутой другими православными Церквями. Для отца Г. первостепенным является непереносимое и неизбежное покаяние Русской Православной Церкви в своем сотрудничестве с советскими органами. РПЦ же, в свою очередь, представляет себя не иначе как жертвой преследований, хотя и породила, по его словам, «больше гонителей, чем гонимых».

В частности, он изучал личность Сергия Страгородского (1867—1944), назначенного «Патриархом всея Руси» 4 сентября 1943 года во время тайной встречи со Сталиным, а через четыре дня после этого, то есть 8 сентября, избранного епископским Собором. Отцу Г. стало известно, что в конце жизни патриарх много пил. Отец Г. считает, что патриарх русской Церкви, задумавший «перехитрить» Сталина, в 1944 году сам был им побежден. То же самое можно сказать и об известном митрополите Никодиме

(Ротове, 1929—1978), председателе Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата (1960—1972), скончавшемся на руках у Папы Иоанна Павла I. По словам отца Г., Никодим очень тесно сотрудничал с секретными службами и даже отдал Духовную Академию на откуп КГБ, по распоряжению которого семинаристов, в частности, готовили для советской агентурной деятельности в Африке. В сущности, продолжает он, нынешнее положение Русской Церкви трагично, несмотря на то, что она ведет свою пропаганду за границей. Отец Г. напоминает, что лишь 3% крещёных в больших городах и 1% на периферии являются практикующими христианами (к каковым причисляют тех, кто причащается хотя бы раз в год!). Более того, способность Церкви к обновлению российского общества и себя самой приближается к нулю. Из всей русской истории он не может назвать ни одного заметного богослова вплоть до XV века...

Тут я и вспомнил о своих первых впечатлениях от двойственного сознания. Но эти особенности двойственного сознания — непоследовательность в беседе, постоянное проверка собеседника — объясняется ничем иным, как травмированной ментальностью членов Русской Православной Церкви. Русские слишком буквально понимают знаменитую книгу Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (1937). От них ускользнуло, что Флоровский, будучи сам травмирован революцией и изгнанием, писал свою книгу в состоянии негодования и невероятной усталости. Чем-то он даже напоминает Ерофеева, который 32 года спустя — в разгар брежневской эпохи — порицает Пушкина. К тому же, русские по своему характеру — максималисты и мыслят эсхатологически. Либо всё, либо ничего. Во время литургии они возносятся к вершинам Небесного Иерусалима, а когда спускаются на землю, поносят и дарованную им Богом свободу содействовать преображению мира, и обязанность работать в поте лица, то есть всё то, что мешает им спокойно уснуть под Херу-

вимскую песнь. Это было верно подмечено Достоевским в «Легенде о Великом инквизиторе». Вот почему дуализм отца Г. порой граничит с крайним пессимизмом, если не с фатализмом. Но когда я его за это по-дружески поддразниваю, он категорически отвергает мои замечания.

На самом деле, сердце у русских болит. Когда перед ними оказывается внимательный собеседник, они готовы открыть ему душу. Прежде всего, они решительно отрываются от своей прежней веры в светлое будущее, в которой видят проявление юношеской наивности. Так, многие считают, что были наивны «в борьбе за демократию в начале девяностых». Редко кто думает, что нужно продолжать борьбу за правовое государство. И даже если об этом не говорится прямым текстом, весьма распространено мнение, что русские не созрели для правового государства, и что России уготована *судьба* быть управляемой сильной рукой, чтобы хотя бы избежать ада на земле.

Отец Г. придерживается иного мнения. Когда-то он надеялся обрести подлинную Россию, уповая на возвращение к России царской в лице еще живущих просвещенных представителей русской эмиграции. Но сейчас он понимает, что возрождение царско-византийского призрака — это ничто иное, как освобождение от ответственности иерархии православной Церкви за компромиссы с КГБ в прошлом, с одной стороны, и красная ковровая дорожка для путинских клептократов, с другой. Отец Г. не согласен с тем, что главная проблема православной Церкви на настоящий момент заключается в ностальгии по «золотому веку». Он все еще цепляется за свое представление о мифе об императоре, а стало быть, и о безраздельном суверенитете Бога. Проще думать, что русская идея в тупике, что в русской Церкви не было выдающихся богословов, что Россия обречена на исчезновение в результате демографического натиска китайцев в Сибири или что она погрузится в Китежское озеро, или..., или...

На мой взгляд, если бы русские сильнее верили в Бога, если бы они уважали достоинство человека и активнее выступали в защиту своих прав, осознавая свою роль в Небесной литургии, они не предавались бы так быстро отчаянью или раздражению. Однако не стоит принимать за чистую монету эту склонность русской интеллигенции к унынию. Русские сохранили целостное видение мира, а значит они не всегда будут пить лак для ногтей. Украинцы показали это. В их языке, как и в их сознании понятия «правда» и «справедливость» неразделимы. Это и есть та знаменитая «правда», которой Ленин после его возвращения в Россию 3 апреля 1917 года сумел соблазнить три четверти русских. А свою знаменитую газету с гипнотизирующим названием «Правда» Ленин, вдохновленный Троцким, основал еще 5 мая 1912 года.

Отец Г. бесстрашно критикует аннексию Крыма, добавляя при этом, что это попрание международного права Россией когда-нибудь ей аукнется. Говоря об этом, он знает, чем рискует, ибо его точка зрения кардинально отличается от позиции Патриарха Кирилла, ни разу не высказавшегося с осуждением насильственного захвата полуострова Путиным. Отец Г. также порицает недавнее решение, принятое Верховным судом при поддержке Московской Патриархии, о запрете Свидетелей Иеговы¹. По его мнению, с иеговистами нужно было поговорить, а не запрещать их. Я не ошибусь, если скажу, что в отце Г. есть что-то протестантское — в лучшем смысле этого слова. Он представитель нового, реформированного православия, и это вселяет в меня надежду.

¹ Организация, запрещенная на территории РФ.

18:00

После приезда в Санкт-Петербург я принялся за книгу Георгия Федотова «Святой Филипп, Митрополит Московский». Это одна из немногих книг парижской православной школы, которую я еще не читал. К сожалению, этот труд первостепенной значимости до сих пор еще не переведен на французский. Он позволяет лучше понять не только историю России, но и нынешнюю эпоху путинских репрессий.

Две недели назад, 12 июня, по призыву главного противника Кремля Алексея Навального, десятки тысяч демонстрантов вышли на улицы российских городов и протестом против коррупции режима. В течение трех месяцев миллионы россиян имели возможность посмотреть на ютубе документальный фильм Навального о немыслимом личном обогащении нынешнего премьер-министра и бывшего российского президента Дмитрия Медведева — миллиардера, владеющего роскошными резиденциями по всей стране и многочисленными вкладами в оффшорах¹.

12 июня, едва выйдя из дома, Навальный был задержан и арестован. Более того, аресты прошли по всей стране — более 1500 граждан были задержаны, и сотни из них более чем на месяц. А вчера по радио сообщили, что из-за судимости Навальный не сможет участвовать в президентских выборах несмотря на то, что он выдвинул свою кандидатуру еще в декабре 2016 года.

21 июня депутаты Думы без зазрения совести приняли закон, де факто разрешающий олигархам скрывать свои доходы. Разумеется, прямым текстом этого не сказано, но суть закона в том, что государство обязуется «обеспе-

¹ Можно познакомиться с английской версией в интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=nRnA75c8hFI>

чить защиту персональных данных объектов государственной охраны и членов их семей». Как поясняет в газете «Московский комсомолец» Александр Минкин, «объекты» — это не атомные станции или кремлевские строения, а «президент, премьер-министр, председатели Думы и Совета Федерации, председатели Конституционного и Верховного суда, генеральный прокурор, председатель Следственного комитета и — как это ни грустно — все депутаты, все сенаторы и патриарх всея Руси. А ещё, как мы предполагаем, министры, губернаторы и т. д...». Отныне закон (ст. 283 УК РФ) предусматривает тюремное заключение от 3 до 7 лет за разглашение этих государственных тайн. Отсутствие морального сознания правящей элиты хорошо известно. Несмотря на разгромные разоблачения Навального, обнародовавшего информацию о том, что Медведев владеет роскошной дачей в Сочи, резиденцией в дорогом пригороде Москвы, личным особняком в Санкт-Петербурге, виноградниками в России и Тоскане, двумя яхтами и т.п., Путин своего премьер-министра не уволил... Чего действительно желает сегодня российский президент, так это избавиться от того зеркала, которое предлагает ему российская оппозиция, зеркала, в котором отражается немыслимая коррупция, в которой погряз его режим.

После этого краткого напоминания об отсутствии демократии в России, или — что еще хуже — о демократии мнимой, я возвращаюсь к яркой книге Г. Федотова. Эта книга о святом Филиппе Московском, изданная в Париже издательством YMCA-Press в 1928 году — кладезь для понимания современной России, поскольку в ней анализируются истоки разложения политического сознания в России. После Карамзина и Ключевского, этих двух великих предшественников Федотова, появилось множество трудов о правлении первого русского царя Ивана Грозного (1530—1584). Федотов, эмигрировавший в Париж, после прихода к власти Сталина решил посвятить свое повествование не фигуре царя, и не его опричнине (другими слова-

ми — не политике террора 1565—1572 годов), а личности главы Русской Церкви — Филиппу, Митрополиту Московскому (1507—1569), жизнью заплатившему за свое противостояние Ивану Грозному. Федотов пишет, что Филипп был задушен Малютой Скуратовым (+1573), так как осмелился пойти против Ивана Грозного, возомнившего себя причастным божественному всемогуществу.

На мой взгляд, Федотов — самый крупный российский историк XX века. Он сумел показать, что знаменитая византийская симфония, то есть союз между земной и духовной властью (возникший, по преданию, еще в библейскую эпоху Аарона и Моисея, представляемый многими официальными идеологами в качестве совершенной модели правления), к России не применима. Эта симфония мыслилась как идеальное воплощение римской императорской власти. Иван III, дед Ивана Грозного, даже женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI. Сам Грозный, однако, лишь раздул пламя римского язычества. С точки же зрения подлинного христианства, подобная концепция происхождения государственной власти есть ничто иное, как ересь. Но вполне возможно, пишет Федотов, что идея разделения земной и духовной властей предполагает определенное сотрудничество между государством и Церковью. Однако это возможно лишь при условии, что «правда» Христова царствует над обеими властями, и никто не может ее себе присвоить. В этом и проявилось величие и вера Филиппа Московского, что он как глава Русской Церкви не побоялся напомнить царю Ивану, что он не выше этой правды. Филипп считал своим долгом указать на то, что и царь под Богом ходит, и за это заплатил своей жизнью.

Нужно отметить, что Иван Грозный мнил себя не только наместником Христа. Усвоив ложное богословие, он захотел уподобиться всемогущему Богу-Отцу и дошел до убийства своего собственного сына Ивана Ивановича.¹ В недавнем интервью Владимир Путин усомнился в досто-

верности этого убийства. Российский президент разъяснил, что «придумал это всё папский нунций, который <...> пытался Русь православную превратить в Русь католическую». Однако это убийство исторически доказано. По словам Сергея Шокарева, доцента Историко-архивного института РГГУ, данные источников того времени, в частности, «Псковский Хронограф» 1617 года, а также свидетельства русских и иностранных историков, не оставляют никаких сомнений в том, что Иван IV убил своего сына Ивана. Сознательно путая убийство Ивана Ивановича с убийством другого сына Ивана Грозного, Дмитрия Ивановича, по поводу которого историки действительно не уверены, кто был истинным заказчиком его убийства, Путин использовал расхожий пропагандистский прием. Но ему едва ли удастся убедить образованных людей. К тому же, бывший советник Путина Андрей Илларионов открыто его поправил, указав на то, что папский легат Антонио Поссевино был приглашен в Москву самим царем. И Николай Карамзин писал, что царь Иван в 1573 году самолично был готов согласиться с постановлениями Флорентийского собора о примирении восточных и западных христиан.

Примечательна в этом контексте история картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Она была написана в 1885 году, вскоре после убийства царя Александра I. Репин знал полотно Николая Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871), на котором изображается событие, предшествующее гибели Алексея в 1718 году по приказу его отца. Вот как эту картину описывает Пьер Гоно: «Сидящий в интерьере западного стиля Петр сурово смотрит на своего сына, стоящего перед ним, но избегающего взгляда отца. Один лишь лист бумаги, упавший на пол, говорит о едва

¹ Gonneau, Pierre. Ivan le Terrible ou le métier de tyran. Paris, 2014.

сдерживаемом гнев царя. Все формальности соблюдены, но участь сына решена».¹

С другой стороны, картина Репина, в которой преобладают различные оттенки красного, изображает окровавленного царевича на руках отца, только что его казнившего. Невозможно остаться равнодушным при взгляде на выпученные глаза царя. На самом деле, в этом исступленном взгляде царя художник — подобно Гоголю в его «Мертвых душах» — выразил незаметную на первый взгляд критику казённого православного богословия. Действительно, в тогдашнем катехизисе, составленном в традиционном, но отнюдь не в евангельском духе, Бог повелевает Аврааму убить своего сына Исаака. У Репина обнимающий сына царь Иван охвачен ужасом от своего бесчеловечного деяния — этот ужас мы читаем в его безумных глазах. Взгляд этот как песчинка, подтолкнувшая русскую революцию...

Конечно же, тогда еще никто не знал будущих достижений библейской экзегезы, разъясняющей, что Авраам неправильно понял голос Яхве. Андрэ Шураки так переводит знаменитый отрывок из 22 главы книги «Бытия», в котором Элохим обращается к Аврааму: «Возьми сына твоего единственного, любимого тобою Исаака, пойди в землю Мориа, там *возведи его* на одну из гор, которую я тебе укажу». Андрэ Шураки отказывается от перевода «и принеси его во всесожжение», настаивая на том, что в эпоху Авраама человеческие жертвы замещались жертвами животными. В момент жертвоприношения Авраам слышит на горе уже не отдаленный голос Элохим, а голос Бога живого, голос Адонаи-Яхве, повелевающий ему не заносить руки на юношу. Патриарх первым понимает, что в качестве жертвоприношения Божество ожидает от человека посвящения Ему самого лучшего в себе, иначе говоря — свою отцовскую любовь. Жертва всесожжения, приноси-

¹ Там же.

мая Богу человеком, может быть только духовной. В своей книге «Запретная жертва: Фрейд и Библия» психоаналитик Мари Балмари¹ объясняет, что Бог просит не жертвоприношения, как сначала понял Авраам, а «возношения» к небу (в буквальном значении слова на иврите), т.е. посвящения себя Богу. Тогда смысл этого текста становится понятным: Бог — это не Бог поражающий, а Бог спасающий. Об этой интерпретации, воспринятой современной библеистикой от гуманитарных наук, свидетельствует текст Пьера Алари о жертвоприношении Исаака: «Психоаналитическая интерпретация этого текста выдвигает идею, согласно которой Бог обращается с Авраамом как „педагог“, потому что тот ошибочно понимает его волю. И поначалу Бог соглашается предстать богом-идолом, лишь для того, чтобы потом явить себя как Бог-Искупитель. Ибо прервав жертвоприношение, Бог дарует Аврааму свободу не только по отношению к Себе, но и по отношению к сыну, дарованному ему при заключении Завета. Бог, принуждающий Авраама принести в жертву Исаака, без сомнения есть Бог насилия, известный почти во всех древних культурах. Но Бог, повелевающий освободить Исаака от уз — это Бог всех жертв, Бог, говорящий в сердцах людей, свободных от племенных законов».

Но дореволюционному православному богословию было далеко до вершин, достигнутых современной экзегезой. Константин Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода при Александре III и Николае II, увидел в картине Репина прямую критику своей теории крестной жертвы Христа. Убеденный в том, что Бог от века хотел смерти своего Сына, Победоносцев — подобно Ансельму Кентерберийскому в XI веке — понимал крестную жертву как императив Творца, разгневанного прегрешениями

¹ Balmary, Marie. *Le Sacrifice interdit, Freud et la Bible*. Paris, 1986.

человека. Согласно такой точке зрения, в Голгофе был единственный исторический смысл — заклание Сына для смягчения гнева Отца.

Большая заслуга православного богословия Парижской школы заключается в том, что она отвергла подобное представление об Искуплении, оказавшемся столь пагубным для политической истории русского самосознания. На недавней конференции в лондонском Хейтроп-колледже (Heythrop College), посвященной творчеству Рене Жирара,¹ я говорил о том, сколь значимыми для Бердяева, Булгакова и Федотова были слова апостола Петра об искуплении кровью Христа: «Агнца, предназначенного *еще прежде основания мира*, но явленного в конце времен ради вас» (1 Петр. 1, 19—20), равно как и проповеди апостола Павла: «мы говорим <...> о премудрости Божией в тайне, премудрости сокровенной, которую предназначил Бог *прежде веков* к славе нашей» (1 Кор. 2, 7).

Эти слова восполняют лакуны пиетистского и арианского направлений в православной антропологии и сотериологии, доминировавших до революции и представленных в 1920-1930-е годы в трудах митрополитов Антония (Храповицкого) в Сербии и Сергия (Страгородского) в России. Уместно напомнить, что представители трех ведущих течений русской мысли того времени (в Париже, Сремски-Карловицах и Москве) по-разному интерпретировали тайну крестной жертвы и соответственно богочеловечество Христа.² Эти три школы Русской Церкви в 1930-х годах представляли три противоборствующие политические

¹ Arjakovsky, Antoine. «Orthodox debates in the twentieth century on the question of atonement» // *Mimesis and Atonement*. Michael Kirwane, Sheelah Treflé Hidden (ed.) London: Bloomsbury, 2016, p. 33—46.

² См.: Булгаков, Сергей, прот. Агнец Божий, 1933; Архиепископ Антоний. Догмат Искупления, 1917; Архимандрит Сергей. Православное учение о спасении, 1895.

и религиозные течения (во Франции — либеральное и демократическое, оппозиционное СССР и находившееся под юрисдикцией Константинополя; в Сербии — монархическое и консервативное, вне чьих-либо юрисдикций; в СССР — национал-коммунистическое и проправительственное, признанное Московской Церковью).

Русские мыслители в Париже размышляли над смыслом Никео-Константинопольского Символа веры 325 и 381 г.: «Веруем во единого Господа Иисуса Христа, для людей и для нашего спасения сошедшего с небес и ставшего человеком...». Отец Сергей Булгаков интерпретировал эти слова в том смысле, что в фигуре закланного Агнца воплощение было предусмотрено Богом *изначально, еще до грехопадения*. Для Булгакова, Бог сотворил мир для собственного воплощения. Воплощение — это не только средство Искупления, но и его вершина. В воплощении Бог обнаруживает свою любовь к творению.

Таким образом, Христос — не козел отпущения Отца. Ибо «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих; ибо Он создал всё для бытия» (Прем. 1, 13). Напротив, Христос берет на себя всё насилие мира и все страхи человечества для того, чтобы показать, что Бог и Человек неразделимы. В Боге жизнь намного сильнее смерти. «Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния» (Авв. 1, 13).

Эту богословскую трактовку, новую и вместе с тем древнюю, во Франции с особой тщательностью развили и углубили Оливье Клеман и Жан-Мигель Гарриг. Согласно их интерпретации, всемогущество Бога, без чьей на то воли и волосок не упадет с головы человека (Мф. 10, 30), это — всемогущество продуманное, а не слепое. Это всемогущество *промыслительное*, ибо Бог замыслил Премудростью своей сотворить человека свободного, способного «противостоять божественной любви, бывшей в основании мира».¹ Слова Христа: «У вас же и волосы на голове все сосчитаны. Не бойтесь же: вы лучше многих воро-

бьев» (Мф. 10, 30—31) следует рассматривать с библейской, телеологической, а значит и этической точки зрения. На самом деле об этом говорил еще Соломон: «если он будет человеком честным, то ни один волос его не упадет на землю; если же найдется в нем лукавство, то умрет» (3 Цар. 1, 52).

Это важно помнить, ибо русская душа была раздавлена в силу однобокого понимания всемогущества Бога, что привело к ее фатализму и разрушительным тенденциям. Достаточно вспомнить молитву монахов Оптиной пустыни о том, что на всё воля божья, столь возмущавшую Ивана Карамазова. Русские же религиозные мыслители Парижской эмиграции, напротив, были убеждены, что «всё» не обязательно происходит по божьей воле. Как и украинский митрополит (Андрей Шептицкий), они руководствовались знаменитыми словами из Послания святого апостола Иакова: «В искушении пусть никто не говорит: меня искушает Бог. Ибо Бог недоступен искушению злом, и сам он никого не искушает. Но каждый подвергается искушению, увлекаемый и обольщаемый собственной похотью» (Иак. 1, 13—14). Без сомнения, апостол утверждал, что Бог не в состоянии помыслить зла. Поэтому для персоналиста Николая Бердяева, друга Леона Блуа, в объективированном мире Бог «имеет меньше власти, чем городской». Бог действует в истории не как разгневанный диктатор, а принимая в расчет свободу человека, прикровенно и явленно, великодушно и осторожно, подобно слабому дуновению ветерка.

16 января 1913 года картина Репина, выставленная в Третьяковской галерее, пострадала от трех ударов ножом, нанесенных молодым умалишенным. Это происшествие вынудило музейщиков на долгие годы изъять карти-

¹ Garrigues, Jean-Miguel. Dieu sans idée du mal, Méditations sur la miséricorde. Paris, 2016, — p. 215.

ну из постоянной экспозиции для реставрации. А весьма неоднозначный министр культуры России В. Мединский, ничтоже сумняшеся, заявил, что «иностранные художники» всегда использовали искусство в целях очернения Ивана Грозного. Так, в 2015 году он пытался доказать, что присвоенное царю прозвище «Грозный» не имело сегодняшней отрицательной коннотации, а просто означало «строгий».

Достаточно напомнить историю создания фильма Эйзенштейна, чтобы убедиться, что слово «грозный» в русском языке действительно означает «ужасный», и что страх, который наводил царь на людей, ничего общего не имеет со страхом божьим в Библии, почитаемым как «начало Премудрости». Действительно, через пятнадцать лет после выхода книги Федотова, режиссер Сергей Эйзенштейн дает такую же характеристику личности Ивана Грозного, что и русский историк-эмигрант. В 1942 году, во время войны, Эйзенштейн получил разрешение Сталина снять для «Мосфильма» в Алма-Ате своего «Ивана Грозного». Когда в 1945 году вышла первая часть триптиха, Сталин был в восторге, так как царь Иван был изображен как основатель современного российского государства в самом благоприятном свете. Однако Эйзенштейн умер, прежде чем завершенная в 1946 году вторая серия получила допуск к прокату. Из третьей серии он успел снять лишь несколько эпизодов. Во второй половине жизни Иван Грозный у Эйзенштейна предстает тираном-параноиком, дерзнувшим санкционировать убийство самого выдающегося духовного авторитета своего времени и манипулировать Русской церковью по своему усмотрению. Не совершил ли и Сталин нечто подобное, истребив в свое время почти весь епископат и создав при участии митрополита Сергия (Страгородского) полностью подвластную ему церковь? Эйзенштейн был отстранен от работы над фильмом и скончался после тяжелой болезни. И лишь после XX съезда компартии цензура разрешила показ второй серии его фильма.

В 2009 году, когда казалось, что В. Ерофеев посмертно торжествует, травмированному русскому сознанию икнулось снова. Мановением руки Владимир Путин передал президентство своему бывшему премьеру Дмитрию Медведеву, а сам занял пост главы правительства. Павел Лунгин в это время снимал свой фильм «Царь», сюжет которого основан на той же истории конфликта между царем Иваном и митрополитом Филиппом. В отличие от фильма Эйзенштейна фильм Лунгина изобилует сценами насилия. В интервью французскому изданию *La Vie* режиссер объяснил, что «невозможно понять Россию, не задумавшись над личностью Ивана IV, который первым официально принял царский титул и создал *действующую и поныне матрицу русской власти*». Лунгин, как и Федотов, строит повествование вокруг конфликта между Филиппом и Иваном, роли которых прекрасно исполнили замечательные актеры Петр Мамонов и Олег Янковский. По словам Лунгина, Филипп противостоял темному Средневековью, воплощенному в царе. Митрополит Московский был человеком необыкновенным, незаурядным. «Он был великий инженер, он был архитектор, он был изобретатель <...> это был человек Возрождения, которое из-за Грозного в России так и не произошло. Именно Грозный надломил что-то в нашей истории, и надлом этого роста до сих пор до конца не компенсирован».

Говорить так о России небезопасно. Подобно Федотову, который так и не смог вернуться на родину, и Эйзенштейну, умершему в нищете, забытому всеми, Павла Лунгина после выхода фильма ждали большие неприятности. Когда в 2012 году Путин опять стал президентом, Лунгина подвергли остракизму. Очевидно, ему не простили сравнение опричнины с КГБ, а также критику «неконтролируемого бандитизма», царящего в российской полиции в 2010-е годы. Не знаю как, но Лунгина вынудили стать официальным режиссером и подписывать унижительные обращения в поддержку Кремля.¹ Мне посчастливилось познако-

миться с ним в конце 1980-х, когда я возглавлял отдел кинематографии при посольстве Франции. Я знаком с его братом — человеком, как и он, свободолюбивым, а также я имел честь знать его мать, видную переводчицу и писательницу.² Я не могу поверить, что Лунгин по доброй воле подписывает эти обращения. В своем последнем фильме «Пиковая дама» Лунгин рассказывает об отчаявшемся человеке, продавшем душу безжалостным кредиторам...

В своем фильме об Иване Грозном русский кинорежиссер показал духовные истоки болезни, терзающей российское государство на протяжении последних пяти столетий: с одной стороны, государство существует не в истории, а живет в мифической памяти, а с другой, Русская Церковь не в состоянии предложить подлинно христианскую теодицею и антропологию личности. «Иван, — продолжает Лунгин, — породил типично русский миф, согласно которому в интересах нации власть должна быть непримиримой и даже свирепой». Еще Федотов в своей книге отметил невероятный пессимизм царя по отношению к человеку. Этот пессимизм своими корнями уходит в православное богословие его времени. В своих посланиях Иван объясняет, что «как человек — я последний из грешников, но как царь — безупречен».³

Таким образом, в XVI веке на Руси в высших слоях власти «правда» понималась двойственно: как правда власти и как правда народа. По мнению Лунгина, эта «шизофрения» продолжается уже на протяжении пяти столетий.

¹ <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/03/12/97822-bolee-80-deyateley-kultury-podderzhali-deystviya-putina-i-rossii-v-krymu>; <http://gordonua.com/publications/10-deyateley-rossiyskoy-kultury-podderzhavshih-agressiyu-rossii-spustya-god-poziciya-neizmennaya-71356.html>

² См. ее книгу «Подстрочник» (М., 2016).

³ Федотов, Георгий. Святой Филипп, Митрополит Московский. Париж, 1928.

«В России всё двойственно, даже религия! С одной стороны, официальный Христос — строгий судия. С другой, Христос народный — добрый и милостивый. Так и при коммунизме было две правды — правда официальная и правда простого народа, и они никогда не совпадали».

В одной из глав своей книги «Святой Филипп, Митрополит Московский», посвященной богословию политики и озаглавленной «Православное Царство», Федотов напоминает, что митрополит Филипп был учеником митрополита Московского Макария, исповедовавшего первенство Правды над Законом, укорененное в духовном понимании Справедливости, которая возвышается над общественным и каноническим правом. Сам митрополит Макарий был преемником таких иерархов, как Иосиф Волоцкий, которые всей душой стремились к равновесию власти светской и власти духовной. Позднее Федотов развил эту мысль в своем знаменитом докладе «Трагедия древнерусской святости», прочитанном в Свято-Сергиевском Институте в Париже на открытии академического курса 1931 года. Этот доклад был опубликован в редактируемом Николаем Бердяевым журнале «Путь», а затем в его книге «Святые Древней Руси», ставшей бестселлером в современной России.

По мнению Федотова, все началось в XV веке с разлада между двумя главными наследниками прп. Сергия Радонежского — Иосифом Волоцким (1439—1515), канонизированным в 1579 году, и Нилом Сорским (1433—1508), так же почитаемым святым. Формально раскол произошел на Московском соборе 1503 года. Нил, автор «Устава скитской жизни», последователь исихастского обновления, уединился в лесном урочище на реке Соре. Он выступил против Иосифа Волоцкого, заявив, что оправдываемое Иосифом обширное церковное землевладение, которое на тот момент охватывало более трети территории Московской Руси, является источником неслыханного обогащения Церкви и причиной нравственного упадка мона-

стырей. На самом деле, уже с конца XV века, то есть после Собора 1490 года, осудившего так называемую ересь жидовствующих, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, были выразителями двух типов духовности: одна сосредоточивалась на прославлении царя-помазанника Божия, другая — на умной молитве. И если первая была плодом собственных страхов перед Страшным Судом, то вторая покоилась на доверии божьему милосердию.

На нашем пути вниз по Волге нам предстояло посетить монастырь прп. Кирилла на Белом озере, недалеко от скита Нила Сорского, основателя общины монахов-нестяжателей, еще называемых заволжскими старцами. Как не вспомнить о поворотном моменте в русской истории и о кризисе, случившемся в северной Руси в XV веке, который привел к столкновению двух мировоззрений, двух концепций аскезы, одна из которых была по преимуществу телесной, вторая — духовной. Это противостояние выразилось и в двух различных мироощущениях: одно стремилось к воплощенному действию, а другое — к уходу в мистические глубины. Это противостояние проявлялось и в двух методах духовного руководства, в первом случае основывавшемся на строгом иерархическом послушании, а во втором — сосредоточенном на чтении Священного Писания и Святых Отцов. Это еще и две концепции веры: одна противопоставляла себя «падшему» разуму, другая видела себя носителем просвещенного разума.

Иосифлянское направление, напуганное светским рационализмом, распространявшимся в высших церковных и политических кругах, уйдет в XVII веке в старообрядческий раскол. Наследники же Нила Сорского, отвергавшие всякую форму мазохистского пессимизма, на протяжении нескольких столетий подвергались преследованиям церковных властей из-за их непримиримости к крайностям фидеизма. Можно сказать, что традиция интеллигенции, начатая Радищевым и продолженная Бердяевым и Федо-

товым, восходит к Нилу Сорскому. Но еще Бердяев в своем «Самопознании» признавал, что интеллигенция далека от народа и неспособна на него повлиять в силу растущих в ее среде спиритуалистических настроений. Федотов, как и Бердяев, стремился противостоять этой тенденции. В Париже он основал журнал «Новый град», а также вместе с матерью Марией Скобцовой участвовал в работе «Православного дела». Однако ввиду разгула нацистского варварства и угрозы ареста в 1940 году он принял решение покинуть Европу и эмигрировать в США, где он обосновался в Нью-Хейвене.

После многолетнего изучения истории русской мысли и истории Церкви, я пришел к убеждению, что правая вера, как и мудрое использование разума, предполагают постоянные усилия к соединению правильного прославления с верной памятью, нелицемерной правды с сознанием справедливости.¹

И еще одно замечание: страх, о котором говорит Библия, не имеет ничего общего со страхом перед несправедливой и грозной властью. Библейский страх ни в коем случае не должен ассоциироваться с насаждением дисциплины подчинения в государстве и в церкви. Библейский страх — это глубокое осознание человеком того, что живой Бог является Спасителем мира и источником подлинных радостей. Вот почему «начало мудрости — страх Господень, и познание святого — разум» (Притч. 9, 10). Осознавать, что наша душа объята пламенем любви, когда она обращена к Богу, означает, что в зависимости от ее состояния в этот момент она может либо сгореть по причине своей скудости, либо возгореться от блаженства благодаря тому елею, который она сумела сохранить. Это прекрасно передано в евангельской притче о десяти девах (Мф. 25, 1—13)² и в ветхозаветной притче (Сир. 14, 20—27)³.

¹ Arjakovsky, Antoine. Qu'est ce que l'orthodoxie? Paris: Gallimard, 2013.

22:00

Я завтракаю за одним столом с тремя отцами-ассумпционистами, которые в этой поездке сопровождают сотню французских паломников. Мы довольно быстро сблизились, несмотря на то, что наши взгляды не во всем совпадают. Сегодня вечером мы говорим о движении «Вперёд, Республика!», организованном Эмманюэлем Макроном — новым французским президентом, победившем на майских выборах. Президентская партия обладает абсолютным большинством голосов в Национальном собрании. Встал вопрос, можно ли на-

² «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

³ «Блажен человек, который упражняется в мудрости и в разуме своем поучается святому. Кто размышляет в сердце своем о путях ее, тот получит разумение и в тайнах ее. Выходи за нею, как ловчий, и строй засаду на путях ее. Кто приклоняется к окнам ее, тот послушает и при дверях ее. Кто обращается вблизи дома ее, тот вобьет гвоздь и в стенах ее, поставит палатку свою подле нее и будет обитать в жилище благ. Он положит детей своих под кровом ее и будет иметь ночлег под сенью ее. Он прикроется ею от зноя и будет жить в славе ее».

деяться на позитивные сдвиги во внутренней и внешней политике Франции? Мнения разошлись. К тому же, католическая Церковь приняла странное решение не поддерживать Э. Макрона после первого тура в его борьбе против Марин Ле Пен. Это решение отличается от позиции, занятой Церковью в 2002 году, когда после первого тура председатель епископской конференции архиепископ Ж.-П. Рикар призывал не голосовать за Ж.-М. Ле Пэна.¹ В любом случае хорошо, что этот политик не является выразителем какой-то застывшей идеологии и призывает к поиску путей национального примирения. Даже если в будущем это движение истощится или окажется объектом манипуляций, изначально ему присущи черты христианского богословско-политического сознания — ведь первые христиане, хотя и неосознанно, тоже шли вперед, следуя за Христом.

В нашем разговоре я счел уместным напомнить о трехзначной символике французского флага. Некоторые историки считают, что это сочетание цветов возникло 17 июля 1789 года, когда Лафайет решил объединить белый цвет королевского знамени с синим и красным цветами Парижа. Это якобы побудило Людовика XVI признать Жана Сильвена Байи первым мэром Парижа. Однако это не исключает возможности и другой интерпретации: красный, означающий правосудие, и синий — свободу, символизирующие в иконографии божественное и человеческое, встречаются с белым, знаменующим братство и преобразование в византийско-славянской иконографии. Иначе говоря, богословие всегда присутствовало в политической истории европейского сознания.

¹ Аржаковский, Антуан. В ожидании Всеправославного Собора: духовный и экуменический путь. Львов: Издательство Украинского Католического университета, 2015. http://duh-i-litera.com/wp-content/uploads/2016/03/Antuan_Arjakovskiy_-v-ozhydanii_Vsepravoslavnogo_-sobora.pdf

Разумеется, не следует идеализировать власть имущих. Нужно быть реалистом и понимать, что без участия граждан власти бессильны. Однако я убежден, особенно после моих размышлений о действии Божественной Премудрости в истории, что Промысел был с французским народом в мае-июне 2017 года. Я не хочу сказать этим, что нужно безрассудно доверяться новому Юпитеру. Это значит, что французское государство при поддержке своего народа и вместе с другими европейскими народами и со всем миром, имеет реальную возможность возобновить работу братства, которое должно было оставаться для демократических республик главным ориентиром, как на национальном, так и на европейском и международном уровне.

МАНДРОГИ

Воскресенье, 25 июня, 10:45. На теплоходе.

Наконец мы покинули град Петров и направляемся к Мандрогам. Погода все еще пасмурная, температура 13—17 С.

Я с радостью принимаю участие в воскресной мессе. В момент пресуществления священником Святых Даров Ладога предстала перед нами во всем своем великолепии. Католическая Церковь наряду со своими чадами допускает и православных мирян к причастию Тела и Крови Христовых. Мне трудно объяснить моим современникам, почему я с такой радостью принимаю участие в подобных службах. Одни считают это своего рода каннибализмом, представляющим интерес для этнологов. Другие видят в этом измену православной Церкви, к которой я принадлежу, и которая не состоит в евхаристическом общении с католической Церковью. Ответ моим критикам потребовал бы серьёзно оторваться от настоящего повествования: заинтересованный читатель может прочесть в моей книге «В ожидании Всеправославного Собора» размышления на эту тему, посвященные в частности межконфессиональному евхаристическому гостеприимству.

Во мне вновь пробуждаются вчерашние мысли. Нынешний спор о непредвзятом видении России XVI века чрезвычайно значим. В этом убежден писатель Борис Акунин, чьи книги выходят массовыми тиражами. Он даже решил написать и опубликовать 8-томную «Историю российского государства». «Акунин» — псевдоним писателя грузинского происхождения, чье настоящее имя Григорий Чхартишвили. В беседе с замечательной журналистской

Deutsche Welle Жанной Немцовой 11 мая 2017 года он сказал, что проблема России не во Владимире Путине, а во всей системе представлений, на которых основывается государство, начиная с XVI века, и которую ни один из реформаторов не осмелился поставить под сомнение. Согласно Акунину, монгольское иго оставило после себя на Руси неизгладимый след, ибо Россия — огромная страна, которая «по-прежнему управляется из ханской юрты». Таким образом, в своем понимании он близок Федотову, который считал, что православной Церкви так и не удалось реализовать подлинно христианскую модель гармоничного союза правды, закона и права. Россия, говорит Акунин, как и раньше «управляется не по законам, а по указам великого хана». Вот почему «необходима сакральность правителя». После неудавшихся акций протеста 2012 года, когда писатель понял, что демократия в России — лишь фикция, он живет за границей. По мнению Акунина, при такой системе государственного устройства люди обслуживают государство, а не наоборот. Такая система предоставляет привилегии небольшому числу избранных, но «в ней нет понятия о личных правах». Более того, такая концепция государства исключает разделение властей, ибо при подобной сакрализованной власти контроль осуществляется путем принуждения, а для этого необходима тайная полиция. В стране с таким большим населением эта политическая полиция неизбежно будет многочисленной.

Пессимизм Акунина, схожий с пессимизмом отца Г. из Санкт-Петербурга, не бесспорен. Русский историк Александр Янов в 2016 году писал, что либеральные интеллектуалы должны понимать с тем, что отрицая наличие в России европейских корней, они ввергают свою страну в пучину нигилизма и тем самым освобождают путь автократиям всех мастей. Цепляясь за идею о несчастной судьбе России, они рубят сук, на котором сидят. Александр Янов в свою очередь показал, что Рос-

сия в своей истории неоднократно сближалась с европейской культурой — будь то в период Киевской или Московской Руси Ивана III, а затем — при Александре I и Александре II, и наконец, при Николае II.¹ Янов опровергает так называемый «Большой Стереотип» вечно азиатской России, не способной жить без диктатуры, заявляя, что в 1480—1550 годы Русь была больше похожа на Швецию, чем на империю Чингисхана. Великий князь Иван III (1462—1505) сумел покончить с татарским игом в 1480 году. В 1472 году Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Драгаса, скрепив союз между Рюриковичами и Палеологами. До 1550 года, когда был издан Судебник, укрепивший власть Ивана IV, бояре апеллировали к правам дружин, находившихся в распоряжении великого князя в период военных действий, что ограничивало пределы княжеской власти.

Я не разделяю точки зрения Александра Янова на правление Ивана III. В 1478 году Иван III присоединил к Московскому княжеству Новгородскую республику со всеми ее северными владениями. А между тем этот город, который не смогли завоевать ни тевтонские рыцари, ни монголы, был для северных преемников Киевской Руси образцом европейского будущего и альтернативой византийской модели государственного управления. В 1494 году Москва закрыла Ганзейскую факторию в Новгороде. И тогда же — во второй половине XV века — в церковных кругах формировалась идеология Москвы как «третьего Рима». Константинополь — «второй Рим» — пал в 1453 году. Церковь Московской Руси, в отличие от Киевской Руси при Великом князе Василии II отказалась принять соглашения Флорентийского собора 1439 года, что отрезало ей пути

¹ Янов, Александр. Россия: У истоков трагедии. 1462—1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. Москва, 2001.

к примирению с «первым Римом». С 1448 года Великий князь Московский присвоил себе право назначать Московских митрополитов без согласия Константинопольского патриарха, который формально признал патриаршее достоинство московских митрополитов лишь в 1589 году. В 1498 году Иван III закрепил за своими потомками титул царя, то есть императора. Идеология преемственности императорской власти, сформулированная старцем Филофеем из Пскова в одном из его писем великому князю Василию III (1505—1533), провозглашала Великого князя Московского наследником Римского императора и возлагала на него ответственность за судьбу всего христианства. Как пишет Андрэ Ропэр в своей книге «Нищета и слава. История культуры русского мира с 1000-го года до наших дней», мегаломания возрождения имперского мифа была драматичной для Московского государства: «Затевать в 1500 году то, что Запад начал еще в 1000 году, было делом безнадежным, особенно когда Запад стоит у ваших границ, а на юге нависла мусульманская угроза в виде турецкой экспансии. Какие у вас могут быть шансы, если открытость внешним влияниям сопряжена с риском утраты собственной идентичности, обретенной с таким трудом, а стремление любой ценой остаться собой означает надолго увязнуть в болоте варварства»?¹

Александр Янов справедливо отвергает стандартные аргументы случайных путешественников, подобных маркизу де Кюстину, муссирующих тезис о том, что Россия — «страна рабов» из-за ее сурового климата (в Канаде он не лучше), большой пространственной протяженности (в США тоже), многовекового монгольского ига (но мусульмане оставались в Испании еще дольше). Однако в силу своих либеральных и проевропейских убеждений

¹ Ropert, André. *La Misère et la gloire, Histoire culturelle du monde russe de l'an mil à nos jours*. Paris: A. Colin, 1992, — p. 88.

русский историк парадоксальным образом склонен оправдывать имперские амбиции Московской Руси. И на мой взгляд, он чересчур поспешно делает вывод, что русские интеллектуалы недостаточно глубоко осознали трагичность истории России. Разумеется, следует воспользоваться аргументами историков, отвергающих *fatum* истории и напоминающих нам о том, что всякий народ способен освободиться от ложной мифологии. Однако нельзя не признать, что ментальность любого народа может быть поражена тяжелой болезнью, исцелить которую возможно лишь при условии осознания этой болезни.

Драма русской истории, называемая некоторыми «русской бедой», заключается не только в антропологическом пессимизме, поразившем Государство-Церковь на исходе 1550-х годов и ставшем основной причиной неспособности великого князя мыслить себя человеком и в то же время наместником Бога. Проблема в том, что это «наместничество» понималось как единодержавное правление. Именно такое понимание мы обнаруживаем в трактате Иосифа Волоцкого «Просветитель». Это представление о всемогущем, всезнающем и всесильном князе своими истоками восходит к Византии, а не только к ханской юрте. Православное политическое богословие находилось под пагубным влиянием концепции епископа Евсевия Кесарийского (IV век), который исповедовал арианство и провозгласил императора Константина полубогом. Это псевдохристианское богословие стало представлять взаимоотношения между Церковью и государством не иначе как по стоической модели взаимоотношений души и тела: патриарх печется о душах, предопределенных к вечности, а император оказывает попечение телам, обреченным адскому огню. Отголоски подобного видения можно найти и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», обнародованной в 2000 году.¹

На самом деле отношения между государством и Церковью следует понимать в историческом и эсхатологиче-

ском плане. Церковь исторична и метаисторична. Она многообразна, о чем свидетельствуют первые главы книги «Откровения» апостола Иоанна, описывающего характерные особенности церквей Лаодикии и Фиатир. Поскольку Церковь воплощена в истории, ее конфессиональная концепция православия не может быть абсолютной. На примере Иосифа Волоцкого ясно, что Русская Церковь понимала «православие» в основном как «верную память» — в лучшем случае применительно к Вселенским соборам, но чаще всего — как это было в эпоху Филофея Псковского — по отношению к мифологизированному видению «византийской симфонии». Такая однобокость понимания православной веры привела к отрыву Русской Церкви от Церкви Вселенской и от европейской культуры. Гуманист Максим Грек, последователь итальянских гуманистов, принял постриг на Афоне и был приглашен ко двору Василия III для перевода духовных книг. В 1525 году по решению Поместного собора Русской Церкви он был заточен в Иосифо-Волоцком монастыре. Этот шаг знаменовал окончательную победу иосифлян. Андрэ Ропэр показал, что Русская Церковь поддерживала псевдоморфозу исключительной преемственности между Московской Русью и Византией: «Изначально заявляя о своей исключительности, русское православие отвергает любую возможность в этом усомниться. Что вместе с тем приводит к ее закрытости, сосредоточенности на себе и бегству от подозрительно-чуждого, что выражается в ксенофобии и изоляционизме. Наконец, это поощряет постоянное, граничащее с мегаломанией, самовосхваление».²

Как я уже как-то писал,³ православие веры понималось в истории и более динамично — как правильное сла-

¹ Аржаковский, Антуан. В ожидании Всеправославного Собора.

² Ropert, André. Op. cit.

³ Arjakovsky, Antoine. Qu'est ce que l'orthodoxie?

вословие, как подлинная правда, как ведение справедливости и верная память. Сегодня эти четыре определения православия предпочитают рассматривать как составные части единого целого. Согласно христианскому богословию, главное — в мистической природе Церкви, благодаря которой снимаются противоречия между уравнивающим началом тождества, сопротивляющимися ему различиями и третьим, животворящим началом. Эта уникальная реальность переживается трояко. Согласно подлинному христианскому богословию, как скажем, у Оливье Клемана, Церковь — это Обитель Отца, Тело Сына и Храм Духа Святого. Церковь — не личность в буквальном смысле, а коллективная реальность любви, которая персонализирует нас, то есть преобразует всякую живую реальность в осознающую себя личность.

Вот почему невозможно определять Церковь по чисто конфессиональным признакам — в нее можно только верить. Никео-Цареградский символ веры приглашает *верить* в единую, святую, соборную (кафолическую) и апостольскую Церковь. Как Тело Христово Церковь обращена к людям в мужском обличье. Поэтому Бог воплотился как мужчина и поэтому Христос опирается на Симона-Петра для того, чтобы заложить краеугольный камень своей Церкви. Однако обращенная к Богу Церковь — согласно Священному Писанию — явлена в женском обличье. В предпоследнем стихе книги «Откровение» она обращается к Христу со словами: «Аминь, гряди, Господи Иисусе!» По своей сути, как говорит о. Сергей Булгаков, она — «Невеста Агнца». Она становится личностью в союзе любви с Тем, о котором «Откровение» говорит таинственными и исполненными света словами, что Он был зачат от начала мира. Этот мистический язык призван прикровенно являть нам исполненную любви таинственную связь между Богом и человеком.

Эта сложность осмысления тождества и различия помогает понять, почему Русская Церковь в наше время так

противится современности. Она считает, что современность ставит разнообразие прав человека выше равенства божественной и человеческой природ Христа. Почему православная Церковь отвергает женское священство, ссылаясь на то, что оно якобы ставит под угрозу божественный характер священства? Почему патриарх Кирилл возражает против перевода богослужебных текстов на русский язык? Почему, несмотря на участие православных богословов в составлении документа «Крещение, Евхаристия, Служение», принятого Всемирным Советом Церквей в 1982 году в Лиме, многие православные по-прежнему враждебно относятся к евхаристическому гостеприимству, ведь сам Христос оказывал его своим ученикам? Всё это укрепляет меня в мысли, что православная Церковь не только в России, но и по всему миру находится на пороге великих реформ.¹

*25 июня, 23:00, на Онежском озере, на пути к Кижам.
На борту теплохода «Василий Кандинский»*

Дать ответ Пушкину, самому одаренному певцу Российской империи — и в то же время самому ревностному проповеднику «русских бед» — было не единственной целью этого моего путешествия. В какой-то степени трагедию поэта объяснил Георгий Федотов в своей знаменитой статье «Певец империи и свободы» (1937). Пушкин воспевал народную вольность, но отказывал народу в реальной власти. Поэтому после поражений европейских революций 1820-х годов, и, особенно, после провала восстания декабристов 1825 года, Пушкина охватил страх, и он решил, что русский народ еще не дорос до свободы. Тогда он

¹ Arjakovsky, Antoine. *L'esprit de réforme de l'orthodoxie chrétienne et les nécessaires réformes au sein de l'Église orthodoxe* // Institut supérieur d'études oecuméniques, *Penser les Réformes aujourd'hui*. Paris, 2017, — pp. 221–237.

стал искать столь дорогую его сердцу свободу в фольклоре, в песнях и сказках, которые собирал и перерабатывал. Таким образом, он стал одним из первых теоретиков народничества, кульминацией которого стала знаменитая доктрина Уварова «Православие (понимаемое исключительно как „подлинная память“), самодержавие, народность». В конечном счете, аристократический гуманизм Пушкина защищал не конкретного человека, ищущего счастья, а человека абстрактного, творца вечных ценностей — «свободы, славы и любви».

Столь же важно для меня было дать ответ Александру Солженицыну. Владимиру Путину ловко удалось использовать в своих интересах высокий моральный авторитет Нобелевского лауреата. 4 ноября 2016 года в День народного единства¹ Владимир Путин появился у стен Московского Кремля на открытии весьма спорного памятника князю Владимиру в сопровождении вдовы писателя Наталии Солженицыной и патриарха Кирилла. А ведь Александр Солженицын в 1994 году решительно осудил стремление российского президента восстановить советскую империю.

В своем эссе «„Русский вопрос“ к концу XX века» он обвинил тех, кто прельстился шумихой советского патриотизма и жалеет о распаде СССР, как впрочем и Российской империи. Он подверг исторической критике имперское прошлое России, пытаясь образумить испытывающих ностальгию по «славному прошлому». Он показал, что некомпетентность династии Романовых, ее ложные богословско-политические представления и нездоровое стремление все время спасать мир в ущерб своему народу привели к тому, Россия оказалась перемолота жерновами самой страшной в истории человечества революцией. Что касается совет-

¹ Этот праздник был учрежден в 2005 году в память о событиях 4 ноября (22 октября) 1612 года.

ской истории с ее десятками миллионов жертв, то она просто трагична и безысходна. По мнению Солженицына, все силы государства и народа сейчас должны быть сосредоточены на внутренних проблемах. Русский писатель к тому же признал, что Украина имеет право на собственную независимость, так как она формировалась в XIII-XVII веках обособленно от Северной Руси, и различие между ними едва ли преодолимо. Солженицын отметил, что Крым не всегда был русским, как во Франции считают те, кого Ленин якобы называл «полезными идиотами». До 1850-х годов Крым был скифским, греческим, русинским, татарским и казацким. Екатерина II Крым никогда не завоевывала, а по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Крымское ханство было признано независимым. Манифест о присоединении Крыма к России Екатерина II подписала 19 апреля 1783 года. Солженицын убежден, что Николай I совершил ошибку, затеяв Крымскую войну против французов и англичан. На деле Россия завладела Крымом лишь в 1860-е годы, после своего поражения в Крымской войне. Таким образом, Крым был русской колонией, и его передача Украине по указу Верховного Совета СССР была восстановлением справедливости. Существовавшая в 1921—1945 годах Крымская Автономная ССР не была частью России. Зависимое положение Крыма явилось лишь следствием Второй мировой войны и продолжалось до смерти Сталина.

При этом Александр Исаевич в своем эссе взял на себя смелость утверждать, что «Украина (как и Казахстан) сразу встала на ложный имперский путь». Писатель также осудил антирусскую пропаганду в Украине, утверждая, что присяга якобы требует от украинских офицеров «воевать против России». На самом же деле присяга требует защищать украинское государство от любого агрессора. Но это русского полемиста не убеждает. Он считает, что для «63% населения [Украины] основной язык — русский», и делает

вывод о необходимости создания «Союза восточно-славянских народов» без границ.

Солженицын здесь выражает общее для большинства русских заблуждение по поводу Украины (как, впрочем, и по поводу Грузии). Он недооценил, в чем заключается принципиальное — им самим признанное непреодолимым, а со временем еще более усиливающееся — различие между находившейся под татарским игом Северной Русью и Русью Западной, входившей в состав Речи Посполитой. Постепенно осознающие себя украинцами, наследниками русинов, живших на окраинах великих империй, они будут стремиться связать воедино доставшееся им наследие Древней Руси с культурами тех соседних народов, под влиянием которых они находились. На рубеже XX — XXI веков украинцы захотели создать собственное суверенное государство, сохраняя при этом свои культурные, языковые и религиозные традиции. Заявление же о том, что большинство украинцев говорят по-русски ничего не добавляет, поскольку это свидетельствует лишь о двуязычии украинцев. До войны, которую сейчас ведет против них Россия, украинцы были связаны с русской культурой, православным христианством и русским языком. Но они не готовы отказаться от собственной оригинальной идентичности и терпеть политическое подчинение России. Поэтому несправедливо требовать от них упразднения границ и ожидать, что они будут мириться с ситуацией, когда законные права языковых меньшинств препятствуют развитию их национального государства. Утверждение приоритета «воли наций, населяющих территории» в ущерб сохранению границ очень опасно. Солженицын принадлежит к числу тех интеллектуалов, которые не поняли, что в современную эпоху политическое гражданство должно превалировать над этнической и культурной принадлежностью.

Тут следует отметить, что это заблуждение Солженицына, разделяемое миллионами русских, в какой-то мере

объясняется тем фактом, что многие живущие в Москве украинцы (и грузины) мечтают стать русскими больше, чем сами русские. Очевидно, ничего другого им не оставалось, ибо для того, чтобы приноровиться к однородному и имперскому большинству, нужно «быть большим роялистом, чем сам король». Таким образом, русские попали в порочный круг ассимиляции и интеграции идентичностей.

Во всяком случае, украинцы нашли себя в процессе трех народных революций на Майдане в 1991, 2004 и 2013—14 годах. Русско и украиноязычные, католики и православные, молодежь и старики продемонстрировали свою солидарность с государством, которое ставит правовое начало выше конфессиональных, языковых и исторических различий. Теперь важно, чтобы правители России — вслед за писательницей Людмилой Улицкой — это поняли и смогли объяснить своему народу.

КИЖИ

*Понедельник, 26 июня, 10:00, Онежское
озеро,
на борту теплохода «Василий
Кандинский»*

В Кижях под почти безоблачным небом я вновь с радостью увидел чудесные церкви острова — эти подлинные молитвы, сотворенные из карельского дерева. В одной из них трое певчих чудесно пропели для нас «Аллилуйя». Правда, это было не совсем спонтанно, ибо посетителям тут же предложили купить их диск. Но певчие не виноваты в том, что организация паломничества мало чем отличается от организации работы супермаркета. Они лишь зарабатывали себе на хлеб насущный, в то время как их слушатели искали щедрых даров Царства Небесного.

Чтобы оценить здешнюю тишину, я отстал от группы и оказался наедине с нашим экскурсоводом А., москвичкой украинского происхождения. Не желая говорить о политике, она лишь сказала, что смотрит на будущее России с оптимизмом. Она прекрасно осознает нынешний политический кризис, но эмигрировать не собирается. К тому же, она любит свою работу, — показывать иностранным туристам Россию с лучшей ее стороны. А. не задает лишних вопросов, и уж тем более у нее нет желания вступать со мной в политическую дискуссию. Она, как говорится, «пашет», стараясь не впадать в фатализм.

Я ее понимаю и сочувствую ей. Досадно, но я постоянно сталкиваюсь с тем, что в России в отношениях между людьми утрачивается доверие. Теперь опасно быть откровенным, опасно прислушиваться к собственной совести.

Мне вспоминаются строки Бодлера из его стихотворения «Вкус небытия», часто цитируемого Львом Шестовым: «Смирись, мое сердце, Засни глубоким сном». Жаль, что я не нашел в себе духа процитировать тогда последнюю строчку из этого стихотворения: «Лавина, в своем падении меня ты укутай».

Моя каюта удобно расположена рядом с кофейным автоматом. Я перебираюсь из библиотеки в каюту, чтобы продолжить свой путевой дневник. Кроме того, я могу наслаждаться величием Онежского озера, воды которого сегодня отливают коричневым, а вчера — казались синезелеными. Площадь в 9700 кв. километров это озеро в четыре раза больше Люксембурга — это своего рода маленькое море.

Размышляя об этих бесконечных просторах, я думаю о своих предках, живших на русском Севере. Мой двоюродный дедушка, Николай Клепинин (1899—1941), написавший известную книгу о святом князе Александре Невском (1927), составил генеалогическое древо нашей семьи. В XVII веке мои предки, вольные люди, которые никогда не были крепостными, покинули карельское Поморье — именно там находятся знаменитые Соловки. Омываемая водами Пинеги колыбель нашей семьи в XVII веке располагалась близ Кушкопалы. По неизвестным причинам — экономическим, религиозным, и наверняка, военным (ибо Первая Северная Война 1655—1660 годов нарушила спокойное развитие Балтийского региона), три брата-ремесленника — Ананий, Иван и Фёдор — около 1688 года ушли из Поморья на Урал. Недалеко от нынешнего Екатеринбурга один из моих прямых предков, Андрей Григорьевич, в 1849 году был возведен Николаем I в дворянство за военные заслуги при Александре I. С 1793 года семье принадлежало село Никольское. Андрей Григорьевич расширил свои владения и построил в 100 км к югу от Екатеринбурга церковь во имя свт. Николая Чудотворца.

Мой прапрадед, Николай Андреевич Клепинин (1841—1905), в 1895 году получил чин статского советника. Он был также председателем уездной земской управы Екатеринбургской губернии и вместе со своей женой Надеждой Николаевной (урожденной Ильиной) посвятил себя общественной благотворительности. Один из его сыновей, Андрей Николаевич стал архитектором, женился на Софье Александровне (урожденной Степановой), ставшей одной из первых женщин-мировых судей в Одессе. В Одессе, где семья обосновалась в начале XX века, Андрей Николаевич построил на Дерибасовской несколько домов, а Софья Александровна организовала школу, в которой преподавание велось по новым методикам, в духе просвещенного православия. Она также занималась благотворительностью и помогала жителям бедных городских кварталов. В Одессе же их застала революция. Когда Софью Александровну арестовали, ей помог освободиться молодой большевик, которого она выручила, будучи мировым судьей. В 1920 году семья Клепининых бежала в Константинополь, а оттуда перебралась в Белград, где Андрей Николаевич построил православную церковь. После смерти жены в городе Бор он построил церковь св. Софии, освященную в память Софьи Александровны.

Мой дед Дмитрий Клепинин родился в 1904 году в Пятигорске, когда его отец руководил строительством своих знаменитых Нарзанных ванн в Кисловодске. Крестным его был Дмитрий Мережковский, чья жена, знаменитая поэтесса Зинаида Гиппиус, была кузиной матери моего деда. Уже в эмиграции Дмитрий окончил в Белграде среднюю школу, и в 1925 году отправился в Париж поступать в только что открывшийся Свято-Сергиевский православный богословский институт. Будучи учеником отца Сергия Булгакова, в 1937 году он был рукоположен в священники митрополитом Евлогием (Георгиевским). Брат Дмитрия, Николай был одним из первых сотрудников Павла Андерсона и Николая Бердяева в издательстве

YMCA-Press. В Париже на собраниях «Русского Христианского Студенческого Движения» и «Православного Дела» Дмитрий познакомился с членом Движения Тамарой Федоровной Баймаковой. Она была родом из Риги, знала много языков, и в Париже стала секретарем Бердяева. Дмитрий и Тамара поженились в 1937 году, незадолго до рукоположения Дмитрия в священники. У них родилось двое детей, Павел и Елена, моя мать.

Путешествие в пространстве — это еще и путешествие во времени. С возрастом я всё больше осознаю, какое влияние оказывает на нас история предыдущих поколений и как она продолжает жить в нас. Именно поэтому я не могу оставаться равнодушным к тому, что происходит в России. Я с нетерпением жду остановки в Москве, где я должен встретиться с А. Клепининым. Это мой дальний родственник, с которым я уже несколько лет переписываюсь по интернету. Он составил генеалогическое древо семьи Клепининых. Его изыскания в целом совпадают с рассказами моей матери и других моих родственников, с которыми я встречался в Москве во время своего пребывания в России в 1989—1998 годах.

15:29

Разговоры за столом идут преимущественно на духовные темы. Заговорили о так называемых чудотворных иконах. Отец Ж. признался, что его раздражают люди, склонные думать, что подобные «зна́мения» и «явления» суть альфа и омега всей их жизни, и забывает при этом, что эти «вторичные откровения» не должны затмевать первичного Откровения Евангелия. Отец С., со своей стороны, сказал, что признает современные чудеса, подобные явлению Пресвятой Девы в Лурде, но в то же время его смущают такие сверхъестественные явления, как ми-

роточивые иконы. Когда же я рассказал ему о своей встрече с Мирной Назур и об иконе в Суфании, которая мироточит уже 30 лет,¹ он поведал мне о «подлинных причинах» своих сомнений: «Я до сих пор не могу осмыслить Шоа». Иными словами: «Как можно говорить о божественных явлениях в мире, когда Бога не было в Освенциме или Бухенвальде?». Жаль, что у меня не было времени углубиться с ним в эту тему.

На мой взгляд, дело в том, что Бог не покинул мира во второй раз — ни в эпоху тоталитаризма, ни в наши дни — просто мы разучились замечать его присутствие. Человек склонен принимать Бога за Супермена. А Бога, сотворившего небо и землю, распинают бесчисленное число раз потому, что Он дал человеку свободу и возможность соучаствовать в Сотворении истории мира. Происшедшее в 33 году следует понимать в метаисторическом измерении. Ведь речь идет о Богочеловеке. Секулярная история, основанная только на случайности и на естественном отборе, не имеет смысла. С точки же зрения веры, не отрицающей эволюции видов, Христос — Господин богочеловеческой истории. Богочеловеческая история не является одной из форм фундаментализма, навязываемой разуму. Она — подлинная картина реальности, если она понимается как история любви и разлада между Богом и человеком. Поэтому ее можно пережить только через явления духа во времени.

Обладая глазами подлинной правды, православия, можно заметить присутствие Духа в мире. Так, великие святые свидетельствовали — порой своим мученичеством — о том видении, которое им открывала их вера. Безусловно, Церковь должна с осторожностью относиться к сверхъестественным феноменам, ибо нам являются не только ангелы. Рискую шокировать наше утонченное

¹ Arjakovsky, Antoine. *Myrna Nazour, messagère de l'unité*. Paris, 2010.

современное сознание, всё же скажу, что среди нас действуют и демоны. Об этом свидетельствует вся двухтысячелетняя история святости.

Но оправданная осторожность в этом вопросе не должна превращаться в страх перед неожиданным, непостижимым, непонятным. С другой стороны, следует сторониться любых форм прозелитизма, привлекающих внимание к этим явлениям. Итак, ни рационализма, ни прозелитизма!

18:00

Понятие «русские беды» часто воспринимают как идеологему, и эта тенденция уходит своими корнями в ложную историографию. Многие русские и нерусские «эксперты» полагают, что они поняли историю России, если приклеили к ней этот ярлык. Так, недавно я присутствовал на лекции одного историка, которого попросили изложить — за час! — историю «русской души». Она — а это была женщина — начала с того, что проанализировала связь истории современной России с историей Киевской Руси. Тем самым она совершила типичную ошибку всех начинающих историков, путающих память с историей. Память — индивидуальная или коллективная — связана с нашим мифическим сознанием. Она стремится выстроить генеалогию, которая была бы прославленной, непрерывной, уникальной и увенчивающейся в будущем торжеством справедливости. Исторический разум — индивидуальный или коллективный — логичен сам по себе. Историческое сознание находится в поисках правды посредством объективации, дистанцирования и критики. Историческое повествование, основанное лишь на памяти, рискует зафиксировать прошлое в вечности и свести инаковость на нет. Историческое повествование, осно-

ванное лишь на критическом интеллекте, рискует разделить временное и вечное и утратить метаисторическое измерение события.

Существует третья форма интеллекта, которую я назову мудростью. Мудрое повествование является личным, ибо его желание — объединить жажду познания с признанием инаковости. Оно стремится к объединению памяти и истории, потребности поведать и необходимости излечить. Оно не отказывает мифу в определении истины, но постоянно сопоставляет этот миф с реальностью фактов, зафиксированных в архивах, в свидетельствах и в достоверных исторических событиях.

Мне уже приходилось писать¹, что русские связывают свою идентичность с Киевской Русью, с той лишь оговоркой, что и белорусы, и украинцы претендуют на это же — ведь не только русским принадлежит «наследие Владимира». Именно поэтому 26 июня 2017 года Эмманюэль Макрон во время приема в Елисейском дворце напомнил президенту Порошенко, что «Анна Киевская» не может называться «Анной Российской», как за две недели до этого в Версале назвал ее Владимир Путин. Русское царство возникло не ранее XVI века, а Российская империя — не ранее XVIII века.² Как уточняет Михаил Геллер, лишь в 1713 году Петр I повелел называть «Московское государство» «государством Российским».³

Но прежде всего русские должны признать, что невозможно отождествлять эпоху Киевской Руси с современностью. Когда историк, о которой я упоминал, утверждает, что «к моменту падения Константинополя в 1453 году Русь была оторвана от Запада и византийского мира», она оши-

¹ Аржаковский, Антуан. Россия-Украина: от войны к миру?

² https://ru.wikipedia.org/wiki/История_России; <http://fakeoff.org/history/otkuda-poshla-rossiya-ili-istoriya-o-tom-kak-vorovalas-rus>

³ Геллер, Михаил. История Российской империи. М.: МИК, 1997, с. 442.

бается дважды. Во-первых, она ставит знак равенства между Московской Русью и всей Русью. А ведь тогда многие русины или рутены, жившие к западу от Днепра, не подчинялись Золотой Орде. Так, главное различие между князем Александром Невским, который покорился татарам, и Даниилом Львовским, остановившим в Галиции полчища хана Батыя, заключалось в том, что во время татаро-монгольского нашествия на Русь в 1240-е годы первый не увидел противоречия между своим православием и фактом сотрудничества с Монгольским ханством, тогда как второй, напротив, решил оказать сопротивление захватчику именно в силу своей православной веры. А во-вторых, южные и западные русины поддерживали связи с Византией и Римом и с радостью приняли условия унии, провозглашенной на Флорентийском соборе 1439 года. Эти факты, однако, никак не вписываются в мифологическую логику упомянутого историка.

Всё это имеет свои последствия. В 2016 году патриарх Кирилл заявил, что он не будет больше применительно к гражданам России употреблять термин «российский», принятый в отношении населения Российской Федерации в 1990-е годы после распада советской идентичности. Патриарх Кирилл призывает не бояться использовать для определения национальной идентичности слово «русский», употреблявшееся в царское время в соответствии с традиционным представлением о русинах как о предках русских, но со временем ставшее символом имперской поработительской политики России. Подобное смешение памяти и истории препятствует воссозданию и процветанию России. Пока Российская Федерация грезит имперским величием и видит себя как единственную наследницу русинов, она не сможет обрести себя и достичь процветания.

Русская нация только тогда будет могущественной, когда осознает себя народом, который *наряду с другими народами*, в 988 году принял христианство и пошел *своим собственным путем*. И лишь тогда она сможет наконец

закрыть мрачные страницы своей истории и по праву гордиться своими достижениями, когда отречется от псевдохристианской мифологии, навязанной Иваном Грозным и его преемниками при участии некоторых Московских патриархов. Николай Зернов в 1938 году писал, в журнале «Путь», что миф «Святая Русь» или «Москва — Третий Рим» оправдан лишь в том случае, если он зиждется на подлинной христианской вере, а стало быть, на государстве, которое служит общему благу (а не интересам клептократии), и на Церкви, воспринимающей себя как Невесту Агнца (а не как охранительный институт принуждающей власти). Вместо того чтобы служить языческой идеологии самовосхваления и господства, мифологема «Святая Русь» должна отражать большое смирение, большую мягкость, большую щедрость русского народа, проявившиеся в подвигах великих святых — от прп. Сергия Радонежского до прп. Серафима Саровского, и в творчестве ее лучших поэтов — от Лермонтова до Мандельштама.

Упомянутый нами историк берет в расчет лишь историю русской государственной власти. Она считает, что «монголы научили русских управлять государством». Этот тезис проблематичен вдвойне: с одной стороны, Московское княжество стало единым государством лишь при Иване IV, принявшим титул царя всея Руси; с другой стороны, задолго до татаро-монгольского ига — еще в XI веке — великий князь Ярослав Мудрый (ум. 1054) был главой одного из самых могущественных европейских государств. Историк признает, что Иван Грозный был «ужасным тираном», но спокойно оправдывает его деяния, поскольку он был «основателем могучей державы». Она оправдывает российский империализм и все его территориальные завоевания тем, что Россия «была вынуждена защищаться от нападений Крымского хана». Это, кстати, противоречит тезису, что «Крым всегда был русским». В действительности же русские колонизирова-

ли Крым между 1783 и 1917 годами, а затем в 1944—1954 годы.

Но наш историк в такие подробности не вдаётся и переходит к следующему мифу, согласно которому «украинские племена в 1654 году попросили Россию о защите».¹ Я не стану здесь вступать с ней в спор, но рекомендую прочесть «Историю Российской империи» Михаила Геллера. Он справедливо напоминает, что это Богдан Хмельницкий со своим казачьим войском обратился к русскому царю с просьбой взять его под свое покровительство для защиты от поляков. Кроме того, как отмечает часто цитируемый Геллером украинский историк Грушевский, украинское казачье правительство ни в коем случае нельзя отождествлять с «племенами».

«Украина жила как независимое государство: выбранный гетман вместе со старшиной и войсковой радой управлял всей страной. Хмельницкий и старшина хотели сохранить этот строй, приняв покровительство московского царя. Но в Москве с этим не согласились, ибо московская держава не была свободным государством».²

Мы не можем говорить о русской беде, поскольку в истории нет *фатума*, нет рока. Идея русской беды основана на историческом детерминизме и на глубоком антропологическом пессимизме. И здесь нельзя не вспомнить, что Россия в своей истории знала и периоды открытости. Разумеется, можно упомянуть знаменитую перестройку (1985—1991), которую многие русские ругают, так как ока-

¹ Таирова-Яковлева Т. Г. Проблемы взаимоотношений Украины и России 1654–1667 гг. // Белоруссия и Украина. История и культура. — М., 2003. — С. 41–48; http://history.org.ua/LiberUA/TYaNKost_2011/TYaNKost_2011.pdf

² Цит. по: Геллер М. Я. История Российской империи. С. 357.

зались не способны ее критически осмыслить. И никто так и не сумел им объяснить, что, несмотря на все, что им пришлось пережить, они стали участниками одного из самых ярких моментов русской истории. Мне вспоминаются пустые прилавки магазинов в 1985 году, вновь заполненные к 1994 году, пока в следующем году коммунисты не вернулись в Думу. Я помню 1998 год с его громовыми речами против правительства, не сумевшего защитить вкладчиков от падения рубля. Благодаря таким личностям как Андрей Сахаров, отец Александр Мень, Юрий Афанасьев, а также Михаил Горбачев, Борис Ельцин и Борис Немцов народ, наконец, узнавал правду, обретал власть над своей судьбой, участвовал в подлинно демократических выборах, давал свободу угнетенным коммунистами народам, входившим в состав СССР. И всё это не было омрачено ни гражданской войной, ни новыми международными конфликтами. Советский Союз вывел войска из Афганистана, не препятствовал освобождению стран Центральной Европы и признал объединение Германии.

Несмотря на множество публикаций о ГУЛАГе и возвращение Александра Солженицына в Россию, никто так по-настоящему и не объяснил русскому народу — обстоятельно и в школьных учебниках — масштабы массового истребления народа советским режимом. За один только 1937 год число казней доходило до 2000 в день! Необходимо предать суду виновных этой страшной бойни. В 1990-е годы так и не решились начать судебный процесс над коммунизмом, ссылаясь на то, что «невиновных нет» и что «это вызовет раздоры в обществе». Никто тогда не осмелился открыто заявить, что хотя окончательный приговор над историей человечества выносит лишь Господь, свободному человеку дано право высказать свое предварительное суждение о преступлениях прошлого, то есть дифференцировать преступления по степени тяжести и находить способы врачевания давних ран.

Ни государство, ни Церковь не взяли на себя ответственности за прошлое — и тогда молчание было прервано некоторыми интеллектуалами. Так, лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года Светлана Алексиевич, белорусская писательница, родившаяся в 1948 году в Украине, в своей книге «Время секонд хэнд» (2013) постаралась запечатлеть свидетельства жертв советской эпохи. Сегодня в России то и дело слышна суровая критика в ее адрес, а в Беларуси ее книга запрещена. Меж тем, в записанных ею интервью недостаточно критической дистанции. Поскольку мало сочувствовать жертвам преступлений прошлого — необходимо осудить виновных, чтобы страшное прошлое не повторилось.

22:30

Мне не хотелось бы во время этого путешествия ограничиться лишь историей России. Я также хочу прислушаться к нынешним событиям в Украине и постараться найти выход из сложившегося кризиса. Так, я с интересом прочитал заметку Аналитического Центра «Rasmussen Global», в которой предлагаются меры, направленные на дальнейшее оказание помощи Украине со стороны Европы, во избежание обострения кризиса с Россией. Во-первых, речь идет о разворачивании по линии ОБСЕ более эффективной, постоянно действующей системы наблюдения за ситуацией в Донбассе. Во-вторых, необходимо создать таможенный союз между Украиной и Европейским Сообществом для продолжения работы над действующим Соглашением между ЕС и Украиной об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли. В-третьих, в связи с участвовавшими случаями нарушений прав человека в Крыму и экспроприации частного бизнеса в восточной Украине, следует ужесточить санкции против России

и продлить их до одного года вместо ныне действующих шести месяцев. И в-четвертых, необходимо увеличить экономическую помощь Украине. Недавние потрясения весь мир кибератаки могут быть перенаправлены с территории Украины, оказавшейся их первой жертвой. Надо сказать, что Франция выплачивает Украине в качестве экономической помощи 2,7 миллионов евро, что составляет лишь 3% от размера финансовой помощи Украине из бюджета Германии.

Но подобные меры, сами по себе необходимые, еще не решают коренной проблемы. И не только потому, что они не сопоставимы по масштабу с планом Маршала, необходимым для того, чтобы помочь одному из крупнейших государств Европы¹ излечиться от коммунистической заразы (которая, конечно, приняла новые формы с брежневских времен). Главное, необходимо остановить войну России против Украины, которая вовсе не является стагнирующим конфликтом, как уверяют нас дезинформирующие СМИ. Вместе с тем, следует преодолеть постсоветскую ментальность. Эта долговременная работа увенчается успехом лишь тогда, когда будут излечены болезни русской души. Необходимо не только разъяснить идею христианского богословия о всемогуществе Бога, но и решить проблему злоупотребления спиртным путем повышения культуры потребления алкоголя и чувства меры. Эта работа должна сопровождаться соответствующей бюджетной политикой государства и обязательной социально-образовательной кампанией на главных телеканалах. Она поможет русским вселить уверенность в себе и преодолеть страх и безнадежность.

Для воспитания такого сознания необходима реформа православного богословия.² Отец Кирилл Говорун — один

¹ Площадь территории Украины составляет 603700 кв. км.

² Как пишет бывший редактор ЖМП Сергей Чапнин, РПЦ вводит обще-

из тех редких целителей душ, которые способны помочь русским осознать свою болезнь. Мне посчастливилось встречаться с ним несколько раз. Отец Кирилл, православный священник, родившийся под Киевом, в настоящее время является директором экуменического института в Лос-Анджелесе. Будучи Председателем Отдела внешних церковных связей Украинской Православной Церкви Московского Патриархата он был уволен по распоряжению патриарха Кирилла. Последний обвинил его в том, что он выступил за автокефалию Украинской Православной Церкви, то есть за административную независимость Киевской Церкви. Отец Говорун справедливо напоминает, что основанная в 988 году Киевская Церковь намного старше Московской Церкви, которая, к тому же, еще в XV веке отказалась представлять Киевскую митрополию. Во время революции на Майдане отец Говорун был одним из первых, кто объяснил, что студенческое восстание в поддержку сближения Украины с Европейским союзом и против превращения страны в полицейское государство является духовным движением, укорененным в вере в достоинство каждого человека.

Недавно он опубликовал в издательстве «Дух и Литера», возглавляемом моими друзьями Леонидом Финбергом и Константином Сиговым, книгу «Українська публічна теологія». Приведу несколько выводов из этого сборника статей. Прежде всего, Говорун предлагает новую модель отношений между Церковью и государством. Он не опирается ни на миф о «Третьем Риме», что, как известно, привело к поглощению Церкви государством, ни на мифическую византийскую симфонию, что, как показано в фильме Звягинцева «Левиафан», ведет к оправданию Церковью почти всех преступлений и злоупотреблений государства.

ство в заблуждение, проповедь Евангелия не является для нее главным (*Le Monde*, 3 августа 2017).

Как и я, Говорун убежден, что эти мифы зиждутся на ошибочной интерпретации христианского политического богословия. Поэтому он раскрывает антропологические основы христианской веры. Он анализирует знаменитую теорию двух свобод. Для Отцов Церкви в Евангелии есть два слова для обозначения свободы. С одной стороны, свобода — это способность человека к осознанному нравственному выбору, (αὐτεξούσιον) что в русском языке выражается словом «вольность». Такой свободы совести лишить человека нельзя. Эта свобода совести неотделима от человеческого достоинства. С другой стороны, свобода — это способность к самоконтролю и самоотвержению (ἐλευθερία), что передается русским словом «свобода». Эту свободу человек может утратить. Так, если я не могу бросить курить, то я не свободен. По мнению Говоруна, в зависимости от того, какой модели свободы мы отдаем предпочтение, мы приходим либо к пессимистической и консервативной антропологии (свобода как ἐλευθερία), либо к антропологии оптимистической и либеральной (свобода как αὐτεξούσιον). Подобно тому, как на Западе Фома Аквинский и Августин колебались в выборе между пессимистической и оптимистической свободой, что выразилось в двух разных по сути мировоззрениях, так и на Востоке взгляды несториан, считавших нравственную свободу человека (αὐτεξούσιον) неповрежденной, отличались от взглядов монофизитов, для которых свобода в онтологическом смысле (ἐλευθερία) была утрачена.

На Востоке, продолжает Говорун, к этому неразрешенному конфликту антропологии прибавляется еще и незавершенная космология. Для восточных народов космология полностью сформирована неоплатонизмом, крайне иерархичной системой, не способной постичь мир вне главенствующего представления о бытии и его последующих эманациях. «Единое» Плотина по-прежнему управляет пантеоном славянских народов, чьим мирским защитни-

ком является царь, а не Триединый Бог — сострадающий Творец.

По мнению украинского патролога, святой Максим Исповедник (580—662) предложил третий путь разрешения дилеммы. Согласно этому Отцу Церкви, боровшемуся против монофелитской ереси (отвергавшей наличие в Иисусе Христе двух волей), грех действительно поразил человеческую природу (а стало быть, и его способность быть полностью свободным от страстей), но поразили он только ум и волю человека, а не всё его сознание.

Эти мысли были приведены на страницах парижского журнала «Путь» в 1937—1939 годах, в эпоху значимых политических событий, связанных с противодействием и неповиновением коммунизму и/или фашизму. В 1990-е годы я писал свою диссертацию о журнале «Путь» и прекрасно помню ответы Бердяева и Вышеславцева. Человек был создан по образу и подобию Бога. Поэтому в нем сосуществуют два измерения — несотворенное и сотворенное. Его сотворенная способность уподобления Богу, а также совместного участия в созидании Царства Божьего на земле была надломлена первородным грехом, совершенным в самом начале истории человеческого рода. Но триединый образ человека остался целостным. Человеку навсегда дана божественная, несотворенная свобода. Эта свобода выбора является по сути свободой творчества, которая поддерживает свободу участия. Свободу выбора *αὐτεξούσιον* у человека не отняли, ибо предвечный Бог не может отказаться от своих деяний.

Добавлю, что мыслители Парижской школы отдавали предпочтение пониманию бытия как излияния Премудрости Божией, как способности тринитарного познания самого Бога в единстве трех ипостасей. Такое видение скорее исходило из библейской традиции, чем из греческой философии. Это софиологическое или премудрое видение мира повлияло на русскую духовность больше, чем принято думать. Отец Павел Флоренский и отец Сергей Булга-

ков, а в наши дни замечательный американский ученый Присцилла Хант убедительно показывают, как это символическое, антиномичное и эсхатологическое видение повлияло на русские культуру, религиозную жизнь и язык. Было бы полезно, если бы эти идеи были осмыслены современными русскими и украинскими интеллектуалами и проникли в политическую культуру этих стран.

В своей «Истории Российской империи» Михаил Геллер объясняет, что в русском языке слово «воля» (от него произошло слово «вольность») появилось намного раньше слова «свобода». Власть не давала воли самым обездоленным. Поэтому слово «воля» имеет коннотации щедрости, стремления добиться своего во что бы то ни стало, но также и освободительной силы. Таким образом, это слово обозначает еще и санкцию на применение силы или вседозволенность. Воля приводит к бунту, которого так боялся Пушкин. Свобода же обладает моральным и личным измерением. Мне вспоминается мой разговор с петербургским таксистом два года назад. Только что была запрещена трансляция последнего независимого телеканала «Дождь», и я его спросил, что он думает об утрате свободы в нынешней России. На это он мне ответил, что для него важнее всего накормить свою семью, поэтому стабильное правление Путина его устраивает... Ясно, что бессмысленно предлагать таксистам читать Максима Исповедника и Сергея Булгакова. Но им вполне можно объяснить, что их внутренняя свобода неотделима от свободы совести — основы их человеческого достоинства. И добавить, что свобода совести неразрушима, и что в истории она неизменно одерживала победу над коррумпированными и диктаторскими режимами.

В своем выступлении о русской душе, предложенном попутчикам на теплоходе, я кратко изложил некоторые из моих размышлений о том, как трудно русскому народу объединить эти два аспекта свободы. После доклада ко

мне подошел приветливый отец С., живущий на Ре-юньоне, и сказал, что подлинная свобода не может заключаться в выборе между добром и злом, поскольку зло ведет к утрате свободы. Я с ним согласился, но заметил, что мы пользуемся иррациональной свободой, чтобы иметь возможность отдалиться от добра. И лишь осознав глубинное единство этих двух свобод — *ἐλευθερία* и *αντεξούσιον* — мы можем приблизиться к спасению, даже после смерти, ибо душа бессмертна и страдает лишь одного — ради чего собственно она и была сотворена, а именно — соучастия в божественной жизни.¹

Однако замечание отца С. навело меня на размышления. Возможно, стараясь подробнее описать заблуждения славянской души, я недостаточно ясно обосновал свою точку зрения и свою убежденность в том, что сейчас у русских есть возможность разрешить дилемму этих двух свобод. Мне вспоминается известное выступление выдающегося поэта нашего времени Ольги Седаковой «Свобода как эсхатологическая реальность» на конференции 2006 года.² Мне посчастливилось встречаться с Ольгой Седаковой несколько раз. В 2016 году она оказала мне честь, бесстрашно подписав послание,³ составленное православными интеллектуалами разных стран, в котором критиковалось отношение РПЦ к Львовскому лжесобору 1946 года, этому позорному событию сталинской эпохи.⁴ Выступле-

¹ В этом смысл замечательной и исполненной мудрости новгородской иконы «Страшного суда» (XV в.), где через все поле извивается большая зеленая змея.

² www.olgasedakova.com

³ <http://gefter.ru/archive/17735>; <https://www.svoboda.org/a/27600426.html>

⁴ 8—10 марта 1946 года во Львове под давлением советских органов РПЦ присоединила к себе УГКЦ. И тогда же — 8—9 марта, когда участники Собора голосовали за «объединение» своей Церкви с Московским Патриархатом, все украинские греко-католические епископы находились за решеткой. 216 священников и 19 мирян, собравшихся по при-

ние Седаковой — еще одно свидетельство того, что в русской интеллигенции и сегодня много ярких талантов, несмотря на то что, при нынешней власти она оказалась на периферии.

Ольга Седакова сосредоточивается на понятии «свобода», раскрывая всю его глубину и неразделимую связь с понятием «воля», а также с *даром благодати*. В начале своего выступления на примере стихотворения Поля Элюара «Свобода», она показывает, что народ без чувства свободы не имеет будущего. В отличие от Антихриста, который на каждом ставит свое клеймо, заявляя тем самым свои права (Откр. 13, 16—17), поэт пишет везде слово «свобода», чтобы освободиться от пут предметного мира.

Сначала Седакова описывает мистический смысл свободы, воспетый Пушкиным. Она восхищается талантом поэта, который смог в нескольких словах выразить силу пророческого вдохновения и его неразрывную связь с освободительной борьбой. Кто из русских не знает этих строк?!

*Свободы сеятель пустынный
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...*

казу НКВД в Георгиевском соборе Львова, оказались во власти «инициативной группы», руководимой двумя православными епископами (Антонием Пельвецким и Михаилом Мельником) и одним православным священником (Гавриилом Костельником). По архивным данным, решение о ликвидации УГКЦ было принято лично Сталиным еще в феврале 1945 года, за 12 дней до открытия Ялтинской конференции, проходившей при участии Уинстона Черчилля и Франклина Д. Рузвельта.

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

Однако в своем знаменитом стихотворении 1823 года русский поэт представляет свободу, как божий дар, и вместе с тем как нечто, чего народ не достоин. Это стихотворение свидетельствует о консерватизме поэта, которого и в России, и во Франции считают певцом «золотого века русской мысли».

Ольга Седакова также показывает слабости — вполне себе прозаические — правовой природы современной свободы. «Западная» реклама хвалит «свободу» выбора, но когда рубль падает (в 2015—2017 годах рубль потерял 50% своей стоимости), то для большинства это означает потерю самой возможности выбора. Даже «честному человеку» трудно считать свободу добродетелью, когда речь заходит о защите его собственных интересов, порой весьма эгоистичных...

Но Седакова не отдает слово «свобода» на откуп профессиональным телеловкачам или так называемому секулярному миру. Она знает, что власть имущие, кичащиеся своим православием, умело используют такое человеческое чувство как смирение в своих целях, превращая его в постоянное осознание себя грешником, ничтожеством, рабом...

Именно поэтому, напоминает она нам, никогда нельзя сомневаться в *силе свободы* — силе, которая дает о себе знать в пространстве межчеловеческих отношений. Та же мысль выражена в знаменитом лозунге диссидентского движения 1960-х годов «За нашу и вашу свободу».¹ Без этого социального по сути своей понимания свободы движение «Солидарность» никогда не смогло бы поразить

гидру коммунизма в Польше. Седакова также отмечает, что греческом тексте Евангелия свободу можно понять и как власть (ἐξουσία). Свобода — не просто выход из-под действия другой, посторонней силы, она сама сила. Это власть человека, свободного от всех иллюзий мира сего и потому способного говорить со знанием дела, а не как «книжники и фарисеи». Поэт подразумевает здесь то, что мы знаем о свободе как воле. Но она — вслед за Данте и Гете — показывает, что взаимосвязь свободы как высвобождающей и свободы как утверждающей силы прослеживается не только в нравственном сознании (совести) человека, но и в его интеллектуальном сознании, обретенном посредством участия в жизни общества. Этот обоюдный опыт совести-сознания показывает, что свобода изначально является *обретенным даром*.

По мнению Седаковой, в человеке действительно есть воля — божественное, первородное и чистое желание, отличное от мирского. Поэт приводит евангельский пример (Мф. 26, 6—13; Мк. 14, 3—9; Лк. 7, 36—50; Ин. 12, 1—8), в котором «возлюбившая много» женщина возлила миро из алебастрового сосуда на главу и ноги Иисуса. Не ясно, описывают ли евангелисты один и тот же эпизод, рассматривая его с разных сторон, или это два разных случая из жизни Христа. В любом случае, Евангелие отмечает, что женщина, умащивающая Христа драгоценными благовониями, желала его утешить и испросить прощения. Это бескорыстное желание отличается от объективирующей позиции апостолов, недовольных бессмысленностью траты на дорогие благовония или тем, что эта женщина — грешница. В одном отрывке Христос говорит, что о поступке этой женщины будут вспоминать «всюду, где проповедано будет Евангелие сие», то есть во всем мире,

¹ Vaissié, Cécile. *Pour votre liberté et pour la nôtre, Le combat des dissidents de Russie*. Paris: R. Laffont, 1999.

а в другом, что простятся «грехи ее многие за то, что она возлюбила много». По словам Седаковой, это утверждает *превосходство свободы любви над страхом смерти*. Свобода человека, то есть его способность жить полной жизнью *здесь и сейчас, без помысла о том, что происходит до или потом*, тесно связана со свободой *даровать*, с возможностью принести себя в жертву. Когда это понимаешь, когда понимаешь таинство праздника Пасхи в постижении-опыте полного, уже свершившегося освобождения от власти смерти, тогда становится ясно, добавляет Седакова, что Иисус даровал ученикам не только свободу, но и *власть* освобождать человека.

Перечитываю блестящий вывод Ольги Седаковой, и он вселяет в меня надежду в уже начавшееся исцеление русской души. Он подтверждает мое убеждение, что исцеление русской души должно заключаться в пересмотре прошлого, то есть в духовной или психоаналитической исповеди. В этом состоит обязанность каждого, в меру личной или коллективной причастности человека к прошлому, пусть даже давнему прошлому. В анализе Седаковой расставлены те же акценты, что и у Поля Рикёра в его мастерской книге «Память, история, забвение». В конце книги Французский философ вспоминает евангельскую притчу о полевой лилии для того, чтобы напомнить современному человеку о возможности и даже необходимости освобождения от бранных забот.

Постоянно употребляя слово «свобода», Ольга Седакова, подобно настоящему музыканту души, гармонично вплетает различные значения этого слова, чтобы раскрыть его сущностные, то есть его *мистический и правовой* аспекты:

«Освобождение, которое при этом совершается, нельзя целиком уместить в образ выведения из плена, из тюрьмы, снятия оков. Чтобы дать человеку свободно распрямиться (как той скорченной женщине) и ходить (как исцеленному ап. Петром хромоту), он должен был

быть освобожден от своей внутренней несвободы, на которую обрекает уродство и болезнь. Освобождение здесь значит — исцеление заболевшего или даже сотворение нового здоровья, как в случае со слепорожденным. Человек должен быть освобожден от собственного прошлого (а такое, держащее нас в плену прошлое образуется очень рано; предполагается, что уже восьмилетнему ребенку есть от чего освобождаться на исповеди). Он должен быть освобожден от мира, в котором рожден, с его физическими, социальными и т. п. законами. Это значит, освобождение предполагает сотворение всего нового. На новой земле под новым небом и действует совершенная свобода. Вероятно, только там она и действует вполне. Поэтому я и назвала свое выступление «Свобода как эсхатологическая реальность». Но вспышки этого нового неба и новой земли, этот мир побеждённой смерти, как мы знаем, не переносится целиком в «иной мир». Возможность их здесь и составляет благую весть.

Когда нам приходилось видеть движения, подобные действию той женщины с народным миром, мы чувствовали, что они здесь — и как бы не здесь. Они разрывают «мир сей» их нельзя забыть, потому что в них нет смерти. Они «последние вещи», за ними ничто не следует. Вопрос церковного отношения к ним — считать ли их некоторым эксцессом, избытком, а «просто» благочестивую жизнь — необходимостью? Или же наоборот: выверять всё по ним как по единственно точному камертону? Ведь не только к воздержанию от дурного призваны люди Церкви — но прежде всего, к неуклонению от лучшего, безумного в глазах человека «мира сего», в том числе, и «честного человека». Без «будущей жизни» здесь и сейчас, без вспышек своего нового творения, мир движется к тепловой смерти.

Это понимание свободы также является богословской реабилитацией права, поскольку оно признает духовный источник свободы и вместе с тем требует от человека при-

ложить усилия, чтобы получить ею. Такое понимание особенно необходимо в стране с православной традицией, где есть склонность пренебрежительно относиться к праву вследствие неверной интерпретации текстов апостола Павла. Действительно, в Восточной Церкви нередко полагают, что раз человека направляет Дух, то Закон над ним не властен (Гал. 5, 18), стало быть, усилия прилагать ему не нужно. Однако не надо забывать, что сам Христос Закона не отвергал, а желал его исполнить до конца, или же, как сказал отец Ж., чтобы закон «проник в самое сердце человека, прикоснулся к нему и излечил его».

Однако это понимание свободы дает ответ и Западу, а именно Хансу Кельзену, который к концу жизни осознал уязвимость позитивного права, утратившего какую-либо божественную основу. Седакова оправдывает ожидания папы Бенедикта XVI, который в своем известном выступлении в Бундестаге критиковал эволюционирование юридической науки в современных демократиях в сторону нормативизма. Это новое понимание сродни метафоре розы ветров, предложенной в своей последней книге Мирей Дельмас-Марти, почетным профессором Коллеж де Франс.¹ По ее мнению, право в XXI веке должно открываться в том измерении права, что не поддается объективации, в его трансцендентном источнике, выраженном метафорой розы ветров. А для того, чтобы очеловечить глобализацию, право должно объединить диаметрально противоположные силы правовых принципов, что будоражат наше время подобно встречным ветрам. Только таким путем, продолжает Мирей Дельмас-Марти, современное правовое сознание будет способствовать превращению одиночных национальных государств в солидарные государства-нации.

¹ Delmas-Marty, Mireille. *Aux quatre vents du monde, Petit guide de navigation sur l'océan de la mondialisation*. Paris: Seuil, 2016.

Видение Ольги Седаковой очень оригинально. Она считает, что источником подлинной свободы является подлинная любовь. Ибо любовь не подавляет, а *обязывает*. В старину это называли «благородством души». Человек, однажды восплаивший бескорыстной, щедрой, вольной или невольной любовью к другому человеку, не может больше оставаться безразличным к страданиям ближнего. Как говорит апостол Павел, охваченный этой же любовью, «любовь долготерпит, милосердствует, <...> сорадуется истине, <...> всему верит, все переносит» (1 Кор. 13, 4—7). Именно это и произошло на Майдане в Киеве. И никакая светская, политическая или религиозная сила не в состоянии угасить это сознание свободы.

ГОРИЦЫ, КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вторник, 27 июня, 11:00, на палубе

Единственная неприятность в этой поездке — ранний подъем — в 7:30, а то и 7:00 часов. Голос с нотками материнской заботы на самом деле ревет из установленного в каждой каюте приемника, и заглушить его нельзя даже с помощью клейкой ленты. Правда, можно отключить трансляцию утренней гимнастики. Словом, типично советские нравы. И никакая разумная аргументация на организаторов круиза не действует — у них свои представления о туристическом сервисе. Кстати, эти туристы заплатили изрядные деньги, а зачастую еще и долго ждали такой возможности — просыпаться, когда им захочется, и нежиться по утрам, плывя по Волге. Но нет! В оруелловской России 2017 года все должны всё делать вместе. И никто не жалеет того, кто до поздней ночи пишет свой путевой дневник.

Не я один так думаю. Наблюдая за движением по Волге, я прикинул: с мая по октябрь тот же путь, что и я, совершают десятки тысяч путешественников. Мне не верится, что я один мечтаю выспаться. Есть противоречие между духом коллективизма, который определенно обострился в силу нынешнего роста ностальгии по СССР, и духом персонализма. Очевидно, что эту проблему русским придется решить (и прежде всего это касается туристических компаний), когда в России закончится текущий период неофеодализма.

Но сегодня утром я в хорошем настроении. Вспоминаю свои поездки по железной дороге в советское время, когда

я, будучи молодым сотрудником посольства, почти каждую неделю практически бесплатно колесил по стране. Если едешь ночным поездом, то проводница непременно разбудит тебя рано утром. И ни разу ни мне, ни моим спутникам не удалось уговорить этих вечных ударниц не будить каждого пассажира, будь он хоть глухонемой. Особенно плохо эти уговоры действовали на них, если они понимали, что желающие поспать молодые люди — иностранцы...

Словом, я был бы счастлив, если бы этот путевой дневник смог бы пробудить хотя бы толику жалости к туристам, которые могли бы сами регулировать звук приемников в своих каютах.

16:05, в каюте

В итоге я решил не ездить с группой в Кирилло-Белозерский монастырь, в котором я уже бывал не раз. Я бы с радостью посетил скиты заволжских старцев, но мне объяснили, что это слишком далеко...

Больше всего меня приводит в негодование то, что организаторы круиза предлагают слишком традиционную трактовку русской истории, духовности и культуры. Впрочем, иногда это бывает весьма мило: вчера, к примеру, был русский ужин в сопровождении балалаек. Но несмотря на всю мою симпатию к экскурсоводам, которые из всех сил пытаются угодить туристам, следует отметить, что их турагенство, возможно, того не ведая, искажает подлинный образ России. В плане политики, то вместо того, чтобы подчеркивать значение таких личностей как Александр Радищев, который в своем «Путешествии» показал, что Россия может стать правовым государством и современным гражданским обществом, они пичкают французских туристов «славой» Ивана Грозного и «гением» Петра Великого, не имея ни малейшего представления о том, что многие историки пишут о пагубном влиянии

этих двух царей на Россию на протяжении как минимум четырех столетий...

Вместо того, чтобы показать подлинный, духовный лик России, отразившийся в филокалийной традиции непрестанной молитвы Нила Сорского и заволжских старцев, нам показываются такие места, как Углич, где свершилось убийство другого сына Ивана Грозного, царевича Димитрия. Так преувеличивается хаотический характер прошлого России вместо того, чтобы искать примирение в ее лучших традициях. Я уже не говорю о раздаваемых нам каждый вечер программках на следующий день, в которых приводятся ключевые даты истории России, вроде даты зарождения «русского» государства при Ярославе Мудром (978—1054). После открытия в 2016 году в Москве памятника князю Владимиру я начинаю подозревать, что скоро нам разъяснят, что путинское государство было создано в эпоху Ярослава Мудрого...

Больше всего организаторы круиза заинтересованы в том, чтобы показать туристам потемкинские деревни, из которых некоторые полностью восстановлены, как, к примеру, вчерашние Мандроги. Единственное, чем там можно — это купить сувениры.

Когда мне на борту удастся выйти в интернет, я смотрю новости из Франции. Так я узнал, что вчера на третьем канале французского общественного телевидения, финансируемом из налогов населения, в прайм-тайм показали четырехчасовой пропагандистский фильм Оливера Стоуна «Интервью с Путиным» — «фильм, удручающий своим невежеством и самодовольством», как пишет в журнале «Экспресс» моя знакомая, профессор Рэннского университета Сесиль Вэссье. Оливер Стоун утверждает, что после развала СССР западные страны якобы обещали, что НАТО не будет расширяться на Восточную Европу. При этом Михаил Горбачев неоднократно заявлял, что подобных обещаний ему никогда не давали. Но Владимир Путин, пре-

взошедший американского режиссера в искусстве лжи, объясняет, что это обещание было дано в устной форме. Такое утверждение, в принципе, проверить невозможно. Больше всего удручает то, что Стоун ни на секунду не задумывается о том, почему балтийские страны — а теперь и Украина — подали заявки о вступлении в НАТО. Борьбу против российской дезинформации прекращать нельзя...

И как понять то, что канал Russia Today к концу года собирается начать вещание на французском языке,¹ будто бы при содействии Высшего совета по телерадиовещанию (Conseil supérieur de l'audiovisuel), несмотря на то, что президент Макрон в Версале назвал этот канал пропагандистским. Заметим, что это не один из тех зарубежных каналов спутникового вещания, подобных вещающему из Парижа на весь мир каналу France 24. Нет, речь идет о российской канале, *базирующемся во Франции*, задача которого — пропаганда идеологии Кремля на французском языке. Мне трудно понять позицию Высшего совета по телерадиовещанию, особенно после скольких заявлений о необъективной подаче информации и предвзятости в освещении политических событий телеканалом Russia Today и агентством Sputnik, а также учитывая принятое в 2016 году решение Европарламента о запрете российской пропаганды на территории Европы.

Я также узнал некоторые подробности ужина, состоявшегося во время американской избирательной кампании в июне 2016 года, на котором присутствовали Дональд Трамп-младший, адвокат Наталья Весельницкая (есть подозрения, что она является агентом ФСБ, так как она защищала сотрудников службы безопасности на одном из процессов), бывший советник Виктора Януковича и руководитель избирательной кампании Дональда Трампа Пол Манафорт, муж Иванки Трамп Джаред Кушнер, со-

¹ Канал Russia Today начал вещание 27 декабря 2017 года.

трудник российской внешней военной разведки (ГРУ) Ринат Ахметчин, Ираклий Кавеладзе, представлявший Араза Агаларова, одного из самых богатых азербайджанцев, близких к Кремлю, Роб Голдстоун, представлявший сына Араза Агаларова — Эмина, который знаком с Дональдом Трампом еще со времен конкурса «Мисс Вселенная», и переводчик Анатолий Самочорнов. Мало того, что 17 агентов ЦРУ и ФБР подтверждают вмешательство русских в президентскую избирательную кампанию путем перехвата электронной переписки руководителя избирательной кампании Хиллари Клинтон и переправки ее Трампу. Мы узнаём, и что русские пытались продать сведения о кандидатке от партии демократов в обмен на снятие санкций, наложенных в связи с аннексией Крыма и делом Сергея Магнитского, по которым предусматривалось введение финансовых санкций и ужесточение визового контроля в отношении российских чиновников, подозреваемых в причастности к смерти этого адвоката. И хотя лагерь Трампа уже несколько месяцев талдычит, что никакой попытки сотрудничества с русскими во время президентской кампании не было, подробности этого ужина, а главное — его участники, могли бы, наконец, открыть американцам глаза на угрозу их демократии со стороны Кремля. Взять хотя бы расследование Анастасии Кириленко и Агаты Дюпарк «По следам российских олигархов-товарищей Трампа», опубликованное 11 марта 2017 года в интернет-издании Mediapart, где указывается на тесные связи Дональда Трампа с российским олигархом Дмитрием Рыболовлевым, владельцем футбольного клуба «Монако», и прослеживаются финансовые потоки из России в США через Кипр. Остается узнать, правду ли говорит Христофер Стил, бывший агент MI-6 в своем сообщении на сайте Buzzfeed от 10 января о контактах В. Путина и Д. Трампа. По словам Стила, у ФСБ имеется «компромат» на Трампа еще с тех пор, когда он приезжал в Москву в ноябре 2013 года на конкурс «Мисс Вселенная».

На ленте новостей Facebook я прочел о результатах опроса, проведенного недавно Институтом Левады¹ о самых важных личностях в истории человечества. Итак, первые строки в рейтинге заняли: 1) Сталин (38%), 2) Путин (34%), 3) Пушкин (34%), 4) Ленин (32%), 5) Петр Великий (29%).² Первые из иностранцев — Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн (оба набрали по 7%) — оказались далеко позади. По данным того же Института Левады, в 2012 году Путин набрал 22%, а вот почитателей Сталина сегодня втрое больше, чем в 1990 году... Как и историк Андрей Зубов, поделившийся со мной своим мнением, я был поражен и глубоко опечален. Со свойственной ему резкостью Зубов говорит: «В стране, в которой самыми великими личностями считаются Петр I, Сталин и Ленин, население готово к насилию и деспотизму». Русское сознание травмировано. Оно изнемогает от нанесенных ему глубоких ран и не получает необходимого лечения, ни от историков, ни от политиков, ни от Церкви. Зубов сетует на то, что в пантеоне великих людей нет таких великих русских, как Петр Столыпин или Антон Чехов, не названы и такие великие личности, оставившие след в истории человечества, как Иисус Христос или Ганди...

Вчера вечером в баре «Диагональ» на нашем теплоходе мы долго беседовали с отцом Ж. о поколении рожденных после 1968-го года, к которому он и сам принадлежит. Он вспомнил о своих проделках с неким хиппи Муной, зажигавшем толпы студентов факультета Сенсье, где отец Ж. изучал филологию. Но не забыл он и о тех новых возможностях, открывшихся перед его поколением после II Ватиканского собора, в особенности, когда он в 1969 году начал

¹ В опросе, проведенном в апреле 2017 года, приняли участие 1600 человек старше 18 лет из 137 городов и 48 регионов России.

² <https://www.kp.ru/daily/26696/3720715/>

изучать богословие, чтобы впоследствии стать экзегетом. Он рассказал мне об импровизированных мессах, участники которых сидели на полу вокруг престола, и о нескончаемых спорах с преподавателями семинарии о необходимости переписать весь учебный план от начала до конца, а также о своих долгих — по несколько месяцев — велосипедных поездках через всю Европу в Иерусалим вместе с другими семинаристами... С какой-то ностальгией я думаю об этом бурном, эсхатологическом времени, от которого я застал лишь отголоски, ибо родился в 1966 году. Мне по душе великая свобода, дарованная этим людям, их жажда абсолюта, а также их дерзновенность. Они отвергли богословие страха и вины, в котором разгневанный Бог находит удовлетворение в жертвоприношении Сына, как это выражено в страшных словах гимна, который раньше пели во время Рождественской мессы во всех церквях Франции:

Пробило полночь, христиане!
Сошел к нам Богочеловек.
Чтоб первогрех снять до конца
И отвратить тем гнев Отца.

Действительно, они выбрали правильный путь, решив освободиться от того сакрального, которое слишком изолирует мирян и парализует духовенство. Но в то же время был риск, что от сакрального захочется отказаться вовсе. Отец Ж. с подозрением относится к «сакральному», которое позволяет так легко манипулировать сознанием. Он считает, что сегодня нужно говорить о почитании святости. Я вспоминаю свои мысли об Иване Грозном и о русском православном богословии...

Увлекательная беседа идет под водочку. Мы выбрали «Зубровку», настойку на траве зубровке, которую любили мои предки по отцовской линии — Аржаховские. Аржахов-

ский: так прежде писалась наша фамилия, пока чиновник французского паспортного отдела в 1921 году не переделал ее на свой манер!

До того как в конце XIX века мой прадед Роман Аржаховский стал комендантом Севастопольского порта, эта семья потомственных военных (мой дед тоже был офицером) жила недалеко от Гродно, в нынешней Белоруссии, а в те времена — в восточной Польше, на окраине Российской империи. Моя звучащая по-польски фамилия, русский язык, на котором говорили в семье, православная вера моего деда, дают основания предположить, что мои предки жили в регионе, который в Византии еще в XIV веке назывался Μικρά Ρωσία, т. е. Малороссией, в отличие от расположенной на севере Великороссии (Μακρά Ρωσία). Известно, что в 1361 году Константинопольский патриарх назначил двух митрополитов, одного в малоросские Новгородок и Галич, а другого — в великоросские Владимир и Киев.¹

Возможно, Аржаховские были униатами, принявшими Флорентийскую унию, как и вся западная Русь вплоть до самого Киева. Позднее их будут называть греко-католиками, в силу их принадлежности, с одной стороны, к греческой вере, а с другой — к Римской Церкви. Вероятно, при Николае I они вынуждены были «принять» православие. Я употребляю термин «принятие» для обозначения формального присоединения к религии русского царя, отличающейся от религии польских властителей, а не в смысле конфессиональной принадлежности к той или иной вере. «Православное исповедание» митрополита Петра Могилы, составленное в 1632 году, сохранило верность Флорентийскому собору и было признано как «православными», так и «католиками».

Несмотря на все мои изыскания в гродненских архивах, мне так не удалось составить генеалогического древа

¹ <https://www.sedmitza.ru/lib/text/438207/>

Аржаховских раньше XIX века. Не нашел я и могил своих предков, оставшихся после революции в Крыму. После 1934 года наши родственники, жившие тогда в Симферополе, попросили моих дедушку и бабушку им больше не писать — они не хотели рисковать жизнью близких.

Пусть читатель меня простит, что я вновь обременяю его своими семейными воспоминаниями. Но если забыть о рассказах про «любовные похождения Екатерины Великой» или про «генерала Белой армии, ставшего таксистом» — ведь и то, и другое не более чем клише — то во время этого круиза именно поиски русской души побудили меня вернуться к исследованию своих корней. К тому же, как мне кажется, некоторые авторы избирают форму романа для мифологизации чисто исторических проблем русской души, не только чтобы выставить напоказ болезнь, которой страдает русский народ — а то еще больше усугубляет проблему, но также и для того, чтобы «умолчать» о своей личной или семейной ответственности в недавней истории советской и путинской России.

Я многого не знаю в истории моей семьи по отцовской линии. Как и большинству из ныне живущих русских мне с трудом удастся перевалить за горизонт всего лишь одного столетия, чтобы оглянуться на прошлое. А это совсем немного для того, кто жаждет обрести уверенность в себе и в своей стране и убедиться, что человек способен создавать свое будущее, если он умеет различать добро и зло и знает тайную силу добродетели. И если в материнской линии я вижу историю России свободных людей, то в генеалогии моего отца Россия предстает имперской державой.

Русские избегают критического взгляда на свою национальную душу. Они то и дело повторяют знаменитые строки Тютчева:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить».

А зря, ведь если самосознание нации действительно является мета-концептуальной реальностью, то стремление к его рациональному постижению (что не означает стремления к рационализации), может оказаться весьма полезным. Это понимал Николай Бердяев. Он не раз пытался дать определение «русской души», например, в вышедшем во Франции в 1937 году коллективном сборнике, или в своей послевоенной книге «Русская идея». По мнению Бердяева, даже если понятие «душа» — мифологема, это вовсе не ставит под сомнение означаемую ею реальность. Нужно просто постараться осознать мифическую силу данной реальности и с удвоенной энергией взяться за ее объективацию в категориях просвещенного разума. Бердяев делает вывод, что русская душа формировалась на протяжении столетий и что понять ее можно, если учитывать три особенности русской мысли. Во-первых, ее символичность, то есть ее способность воспринимать мир как единое целое со своей внутренней организацией и чистым источником света; во-вторых, ее антиномичность, т.е. ее способность осмысливать противоречащие друг другу реальности, не сводя их к какой-либо третьей, что привело бы к их ликвидации; и наконец, в-третьих, ее эсхатологичность, ее интуитивное понимание того, что человечество должно творчески участвовать в созидании этого мира и завершить его, то есть направить его к завершению, сломав таким образом однообразный непрерывный пространственно-временной цикл, в котором бесконечно пребывает объективирующее сознание.

Есть ли в современной России приверженники этого учения? Кто из французских философов способен воспринять его всерьёз? Какими далекими кажутся те времена, когда Эдмунда Гуссерля во Франции приветствовали Лев Шестой и Эмманюэль Левинас; в Сент-Олбансе епископ Чарльз Гор принял Сергия Булгакова, а Николай Бердяев во время декад в Понтиньи встречался с Морисом де Гандийяком и Жаком Маритеном... И всё же я убежден, что

будущее философии и богословия — в новом осмыслении диалога этих мыслителей.

УГЛИЧ

Среда, 28 июня, 17:31, курс на Москву

Я прочел свой четвертый доклад о возможных путях примирения между христианами Востока и Запада. Высокие отзывы доставили мне особенное удовольствие, поскольку эти мысли были мне особенно дороги. Отец Ж. предложил мне прочесть во время мессы одно из чтений. Я тронут экуменической восприимчивостью католических и протестантских паломников — чувствуется, что мы, как говорится, «в одной лодке».

Кстати, интересно, что наше судно носит два имени: первоначально теплоход назывался «Максим Литвинов» — в честь бывшего советского министра иностранных дел, потом его переименовали в «Василия Кандинского», из туристических соображений и в дань памяти теоретика «конкретного искусства» (жаль, что впоследствии этот термин переименовали в «абстрактное»). Василий Кандинский был художником и автором знаменитой книги «О духовном в искусстве». После Октябрьской революции ему пришлось эмигрировать, и он умер в 1944 году в Париже. Круизная компания не сочла нужным убрать первоначальное название. Как это характерно для сбившегося с пути исторического сознания, не способного к отбору и синтезу исторического идеала!

После доклада я решил прогуляться по улицам Углича. Я отстал от экскурсовода, которая — как и в позапрошлом году — наверняка повторила бы десять версий смерти царевича Димитрия в 1591 году, не сказав ничего о самом главном, то есть о разрушительных для русской истории последствиях правления Ивана Грозного. А самое трагич-

ное в этой истории — не важно, речь о Смутном времени или советском коммунизме — заключается в том, что когда после политического хаоса к власти приходят свободные и интеллигентные люди и пытаются поднять страну на ноги, то они неизбежно сталкиваются с последствиями бурных потрясений предшествующей эпохи. На них тут же взваливают вину за эти потрясения, а в обществе возникает ностальгия по ледящему душу хаосу прошлого, когда, как услужливо подсказывает недобросовестная память, «хотя бы была стабильность». Подобное заблуждение сознания можно найти в следующей полуправде, что якобы «людям прежде всего нужна стабильность, чтобы они могли наслаждаться свободой». Но жизнь намного сложнее. Порядок без свободы приводит лишь к хаосу, а свобода без порядка — к анархии. Ибо закон так же неотделим от справедливости, как и свобода невозможна без обязательства.

Так до сих пор и неизвестно, кто же убил царского наследника. Пушкин обвинил в этом Бориса Годунова, но историки к этой гипотезе относятся сдержанно. Почему крупная кампания, зафрахтовавшая «Василия Кандинского», включает в программу круиза посещение места этого ужасного преступления? Не потому ли, что здесь со временем была устроена доходная приманка для туристов? Или потому, что эта неразгаданная тайна русской истории — свидетельство глубокой, незалеченной коллективной травмы? Как бы то ни было, но я вижу четкую связь между убожеством церковной жизни в Угличе, его исторической трагедией и ее использованием «новыми русскими» в целях наживы.

Я решил зайти в красивую, окрашенную в ярко-желтый цвет, церковь, которую я заметил еще с теплохода. Посвящена она Флору и Лавру, греческим мученикам II века. На Руси этих святых очень почитали — говорят, когда к ним обращались с молитвой, даже «лошади переставали

хворать». Действительно, в Житии святых говорится, что после обретения их мощей в Иллирии и перенесения их в Константинополь, там прекратился падеж скота. Вот почему в Древней Руси в день их памяти на лошадях не ездили — чтобы животные могли почтить святых вместе со всеми прихожанами.

В церкви я заговорил с одной женщиной. Её звали Александрой. Заинтересованная нашим разговором, она отставила в сторону свечной ящик. Она рассказала, что службы посещают не более 15 человек. Оказывается, в Угличе с его 34-тысячным населением, всего полторы тысячи практикующих православных, семь или восемь приходов (раньше было 150) и три монастыря... Александра признается, что жизнь в современной России нелегкая. Президент любит говорить о своих успехах по телевизору, но «на местах ничего не меняется». Напротив, жить стало тяжелее. На вопрос, как же быть, она отвечает, что нужно бороться. Но понимает, что она одиночка. «Молодежь только и ждет, когда им всё готовенькое подадут, а я никогда не разрешала себе опускать руки. А они еще и смеялись надо мной, что я многодетная мать».

Меня тронул рассказ этой простой женщины. Она воспитала четырех дочерей, младшая из которых страдала тяжелым психическим заболеванием (из ее полупамяти я понял, что она страдала шизофренией). Но Александра не упала духом. За шесть лет она обошла всех местных старцев, молилась перед всеми иконами, исцеляющими от подобной болезни, и на седьмой год болезни как не бывало. Дочь смогла вернуться к учебе. «Сейчас она учительница», — сказала Александра с гордостью. И добавила: «Мы вымаливались» — это слово я не сразу понял, оно означает: «Мы так молились, что очистились, и болезнь прошла». То же выражение она употребила, когда рассказывала о чудесном ходатайстве святых Флора и Лавра, по молитвам которых прекратился падеж лошадей, которые «вымалива-

лись». В этом сила русского языка и народной веры. Братья Флор и Лавр были каменщиками. Согласно «Житию», они трудились ради Бога, и вытёсывая камни, словно бы совершенствовали свою душу, освобождая ее от страстей, чтобы достичь добродетели.

Перед уходом я сфотографировал Александру перед вышитой ею плащаницей «Тайной Вечери». Прощаясь с ней, я уношу чувство прикосновения к сокровенной и живой струне русской души.

МОСКВА

*Четверг, 29 июня, 22:10, в каюте —
в Москве*

«Москва! Москва!!!», — радостно восклицал Радищев после долгого путешествия, въезжая в кибитке в бывшую средневековую столицу. Он надеялся увидеть выход из кризиса российской империи в возвращении к прошлому и русской идентичности. Пушкину это восклицание показалось комичным. Спасение России поэт империи видел в европеизации, символом которой было великолепие Санкт-Петербурга. Он не разглядел зерна европейства в самом прошлом Московской Руси, принявшей крещение еще до разделения Церкви на латинскую и греческую.

Радищев, в свою очередь, в современном ему Петербурге не увидел петровской ностальгии по Первому Риму — страстного желания вернуть то время, когда понятия «*католичность*» и «*вселенскость*» еще не переплелись, как в Риме после провала Флорентийского собора, и не разошлись, как в современном русском языке, который различает «*католичность*» (в значении конфессиональной принадлежности) и «*кафоличность*» (в значении соборности).

Лишь духовное и мудрое видение России позволит русским понять, что предназначение их нации — не в подражании Риму или Византии, а в иной, смиренной, основанной на Евангелии цивилизаторской миссии — в поиске примирения и в эсхатологическом ожидании грядущего Иерусалима. Миссия России не в защите братских народов, когда он оказываются под властью закона, противоположного этому видению. Не понуждая упорствующих, Россия должна просто с радостью нести благу весть

о том, что участие в Царствии Божьем возможно на земле. И если зло или то, что таковым представляется, должно быть распознано, описано и признаваемо в соответствии с правовыми нормами, а стало быть признано неизбежным, то это потому, что сам Бог захотел, чтобы доброе семя и плевелы росли вместе до наступления Страшного Суда (Мф. 13, 24—30).

Я был особенно счастлив вернуться туда, где я с радостью работал шесть лет — сначала в качестве ответственного за кинопрокат Отдела культуры посольства Франции, а потом в качестве директора французского университетского колледжа в Москве. И сегодня я решил отправиться в посольство, где не был с 1998 года, хотя после этого я приезжал в Россию несколько раз. По старой памяти я поехал своим привычным маршрутом по Знаменке: столько раз я проезжал здесь на своей «Ниве»! Я собирался войти в посольство с Казанского переулка, где прежде принимали посетителей. Но оказалось, что вход теперь с Большой Якиманки, 45. Таксист, с которым я разговорился, доставил меня по верному адресу. Он сказал, что бывал в Пятигорске и прекрасно знает Кисловодские нарзанные ванны, построенные моим прадедом в 1904 году. Он посоветовал мне отдохнуть в санатории имени Орджоникидзе. Я не осмелился сказать ему, что мне было бы трудно «отдыхать» в здании, носящем имя такого кровопийцы, как Орджоникидзе... —Этот друг Сталина был организатором чисток в партии в конце 1920-х годов, пока — согласно одной из версий — его самого не убили по приказу Сталина.

Не скрою, что зеленоватые стены французского посольства пробудили волнение

— столько воспоминаний связано с ними! Здесь я впервые встретил свою жену Лауру... А особняк Игумнова, в котором размещается посольство, напомнил мне о приемах, которые я устраивал по просьбе посла Пьера Мореля в 1990-е годы, на которых встречались русские и француз-

ские интеллектуалы. Это красивое здание, построенное в конце XIX века в псевдорусском стиле и переданное Франции в аренду в 1938 году, погружает вас в атмосферу фильмов Эйзенштейна. Я также был рад встрече с П., благодаря которому я тогда узнал, что в посольстве появилось место, и в квартире которого я потом жил. Был рад увидеть и О., с которым с удовольствием работал в Москве и Киеве. Оба встретили меня очень тепло и просто. От них я узнал, что по сравнению с девяностыми годами в сфере культурного обмена многое переменялось, появились новые возможности, и сейчас самое время для более тесного сотрудничества с российскими организациями. Некоторые из этих организаций, подобно «Газпрому» и «Engie», располагают солидным бюджетом для финансирования таких мероприятий, как выставка витражей из Сент-Шапель в Кремле. О. с энтузиазмом рассказывает о Екатеринбурге, городе моих предков Клепининых. По его мнению, Екатеринбург развивается гораздо быстрее других городов. Происходит это благодаря Центру Ельцина, филиалу московского Центра, а также потому, что в городе постоянно проводятся крупные культурные мероприятия с зарубежными участниками; так, к примеру, в Нантском фестивале «Безумный день» приняли участие несколько сотен французских музыкантов (при этом посольство не потратило на это ни цента).

После посещения посольства я выпил чашку кофе в «Шоколаднице» со своим старинным другом А., известным философом из Московского университета. Правда, наши политические взгляды сильно разошлись после нашей встречи на конференции о Соловьеве во Львове (потом, в 2008 году, мы виделись в Бернардинском колледже на конференции «Жак Маритен и русские»). Он очень близок к церковному официозу (недавно он встречался с Патриархом Кириллом). Оранжево-черная ленточка св. Георгия на ветровом стекле его машины намекает на его пропутинские настроения или свидетельствует о том, что

он считает нужным демонстрировать свою приверженность к власти. Так или иначе, он явно одобряет аннексию Крыма и уверяет, что «крымчане говорят, что они очень рады такому развитию политической ситуации». Я невольно замечая его фразу «крымчане говорят, что они очень рады», которая означает совсем не то же самое, что и фраза «крымчане очень рады». Вот, опять эти двусмысленные рассуждения. Несмотря на то, что наши взгляды разнятся почти во всем, что касается российской политики, мы всё же рады увидеться снова и поговорить о наших семьях и научной работе. А. — человек начитанный и умный, прекрасно владеет французским, но, по-моему, недостаточно хорошо осведомлен.

Он говорит, что признает свою ответственность интеллектуала и готов принять участие в совместной дискуссии о путях достижения мира. Но внутренний голос мне подсказывает, что случится это не скоро. Он, к примеру, не понимает, почему такие люди, как Б. из Университета имени Шевченко в Киеве, не поддерживают больше с ним связи. Как и Солженицын, он не понимает, что украинский менталитет очень отличается от русского, хотя между ними и много общего. Он не раздумывая отрицает двуязычие и бикультурную идентичность украинцев, хотя это вызывает все больше вопросов из-за обостряемых войной разногласий. Его позиция весьма характерна для болезни русской интеллигенции.

Он любезно отвез меня на своей машине к отцу Георгию Кочеткову. Там, в Свято-Филаретовском православном христианском институте, я присоединился к своей паломнической группе. Нас очень радушно принял отец Георгий Кочетков, известный русский богослов и основатель уникального в России института. С его общиной мы помолились за вечерней, после чего отец Георгий ответил на вопросы и рассказал о деятельности своего института — на различных факультетах института обучается 500 студентов, у Братства имеются филиалы во многих россий-

ских городах. Я был рад вновь встретиться с отцом Георгием, а также с некоторыми из преподавателей: директором института Дмитрием Гасаком, профессором Александром Копиловским, преподающим историю искусства и Зоей Дашевской, деканом богословского факультета (нечасто женщина в православной Церкви занимает подобный пост!). Наши паломники были весьма довольны этой встречей, которая наилучшим образом подвела итог экуменическому опыту (особенно после вдохновенной проповеди отца Ж. за утренней мессой). Их взволновал рассказ отца Георгия о том, как он создавал свой институт в 1988 г. с нуля. Сегодня он уделяет особое внимание изучению истории русской Церкви в XX веке, поскольку убежден в необходимости осмысления ее трагической истории. Отец Г. Кочетков и молодой православный историк Николай Эппле — одни из немногих, кто осознают травмированность российского общества, которое они сравнивают с послевоенной Германией. Они призывают РПЦ к покаянию ради избавления российского самосознания от коммунистической идеологии. Так, скажем, официальный культ победы 1945 года полностью затмил пакт Молотова-Риббентропа 1939 года.¹ По поводу новых учебников истории, утвержденных Кремлем в 2013 году, видный славист Жорж Нива пишет, что «двойная амнезия, спровоцированная в XX веке большевизмом и его крушением, остается по большей части скрытой и мало исследованной». В заключение о. Кочетков вспомнил прекрасные и таинственные слова Тертуллиана: «Кровь мучеников — семя Церкви».

¹ *La Seconde Guerre mondiale dans le discours politique russe*, sous la direction de Stéphane Courtois et de Galia Ackerman. Paris, 2016. Для этого сборника я написал статью «Мифология Второй мировой войны в осмыслении Русской Православной Церкви и ее драматические последствия сегодня».

На обратном пути в автобусе — долгая, замечательная беседа с о. Ж. Он поделился со мной воспоминаниями о последних днях его матери, скончавшейся в Светлый вторник три года назад. Потом, за ужином, отец А. неожиданно поведал нам о том, как в десятилетнем возрасте после развода родителей и после того, как его отец убедительно доказал ему, что Иисус Христос действительно существовал, он решил стать христианином. У меня складывается впечатление, что наше общение становится все более непринужденным. Это я понял еще во время встречи с о. Георгием, когда 82-летний о. С. выразил желание посвятить последние годы своей жизни — «если Богу будет угодно» — изучению православного богословия. Это и его желание, и его молитва... Несомненно, благодаря паломничеству раскрываются сердца. Каждый из нас, так или иначе, пережил сильное волнение. Это вдохновляет.

Пятница, 30 июня, 12:00, в Москве

Сегодня ночью мне приснился странный сон. Будто я в Киеве, недалеко от нашей бывшей квартиры на улице Анри Барбюса, на пересечении с Красноармийской. Я откуда-то возвращался — очевидно, это был конец предыдущего сна. Какой-то голос подсказывал мне, что если я потороплюсь, то еще успею на автобус в сторону Французского Института, хотя маршрут его не вполне очевиден (раньше институт размещался на улице Горького, но теперь его там нет). Я побежал, но не успел. Автобус шел к Педагогическому Университету. Я решил срезать путь и добежать до следующей остановки. Но взбравшись на горку, я упал на обе руки так, что левой угодил в колючки. Кончался сон тем, что я правой рукой выдираю впившиеся в кожу колючки, что было не особенно больно. Проснувшись и убедившись в том, что я все еще на «Кандинском», я истолковал этот очевидно плохой сон

как предупреждение не перепрыгивать через ступеньки. Вопрос только — через какие?!

Чуть позже я был на последней мессе вместе с паломниками. Отец Ж. предложил мне прочесть первое чтение — отрывок из «Деяний Апостолов», в котором повествуется о том, как ангел вывел апостола Петра из темницы — это рассказ об освобождении... Моя знакомая, протестантка из Швейцарии, прочитала второе чтение. Затем дьякон прочел из Послания к Галатам тот отрывок, где апостол Павел называет Петра, Иакова и Иоанна столпами Церкви. В этот момент мне стало ясно, насколько в современном церковном сознании праздник Петра и Павла связан с образом Церкви, дышащей обоими легкими, и что в этот день следовало бы праздновать и апостолов Иакова и Иоанна. В конце прочли отрывок из Евангелия от Матфея, где он рассказывает об исповедании своего друга Петра, после чего о. Ж. прочел проповедь, которая произвела очень сильное впечатление. Комментируя прочитанные библейские тексты, он упомянул также мои доклады, блестяще передав их общее содержание. Я не раз замечал, что католики мастерски владеют синтезом. Он, в частности, объяснил, что икона обращает наш взор к символическому видению мира и что вера позволяет видеть сокрытое от нашего взгляда, чересчур сосредоточенного на объективном и осязаемом.

Он упомянул также о роли Петра на всех уровнях Церкви — до самого скромного священника, основное предназначение которого — «связать зло и освободить человека». Я никогда прежде не слышал подобной трактовки власти ключей... Я был убежден, что власть связывать может также иметь и положительное значение. Возьмем, к примеру, таинство брака, в котором брачующиеся связывают друг друга узами в присутствии Бога. Священник их благословляет, выступает в роли свидетеля, но строго говоря, он их не связывает. Тем самым, власть связывать может иметь

особую силу — она выводит зло на чистый белый свет первого дня творения, который способен уничтожить зло.

Отец Ж. поблагодарил Господа за то, что во время этого путешествия Он дал нам возможность пережить подлинный экуменический опыт и что Литургия слова была совершена в духе экумены. Думаю, все ощутили приближение к воссоединяемой Церкви. С чувством глубокой радости, на фоне величественных волжских пейзажей, мы пропели гимн «Увенчанной звездами Царице Небесной» и причастились Святых Даров.

Суббота, 1 июля, 3:00, на теплоходе

Вчерашний день прошел прекрасно. После завтрака мы отправились на автобусе в центр Москвы. Ехать пришлось долго из-за пробок — мэр Москвы Сергей Собянин решил расширить городские тротуары. Таксисты мне на это жаловались, особо отмечая тот факт, что стройматериалы для новых тротуаров поставляет фирма жены Собянина...

У меня было немного времени, и я прогулялся с нашей группой по Красной площади. Вспомнил о том невероятном времени, когда я на своей «Ниве» разъезжал по этой площади, что трудно себе сегодня представить. Долго стоял у ГУМа, заметил на его фасаде икону Спасителя, которой прежде там не было и которая теперь обращена в сторону мавзолея... Я прожил в этом городе шесть лет, но меня по-прежнему поражает красота этого места: собор Василия Блаженного, юродивого во Христе, дерзающего говорить правду Ивану Грозному о его преступлениях; памятник Минину и Пожарскому, простолыдину и князю, которые вместе с монахами Троице-Сергиевой Лавры стали в сентябре 1612 года подлинными сплотителями русского народа во время освобождения Москвы от поляков; Казанский собор, разрушенный Сталиным в 1936 году и восстановленный в 1990—1993 годах после

распада СССР, куда я зашел помолиться. Именно здесь находится копия иконы «Казанской Богоматери».

Эта икона опять-таки связана с Иваном Грозным и с взятием Казани в 1552 году. На иконе изображена Богоматерь с благословляющим Младенцем-Христом. Икону доставили в Казань из Константинополя в XIII веке. В XVI веке след ее теряется: возможно, ее спрятали, опасаясь нашествия татар, которые действительно захватили город в 1555 году. Согласно «Сказанию», составленному митрополитом Казанским Гермогеном, Божия Матерь явилась десятилетней Матроне после разрушительного городского пожара 1579 года и повелела ей откопать икону на пепелище. Народ встретил икону как драгоценное сокровище, а по ее заступничеству было совершено множество чудес. Цари, в том числе Иван IV, воздвигали в ее честь храмы. Список иконы был у Минина и Пожарского во время битвы против осаждавших Москву поляков в 1612 году. В знак благодарения на Красной площади был воздвигнут Казанский собор, а в 1818 году там же был поставлен памятник двум народным героям.

Казанская икона, изображающая богочеловечность Христа, ежегодно чествуется 4 ноября. Она особенно почиталась династией Романовых. В 1712 году Петр Великий перевел столицу из Москвы в Петербург, и список с иконы по его повелению поместили в Троицком соборе, а откуда в 1811 году он был перенесен в воздвигнутый на Невском проспекте Казанский собор. Именно здесь перед Казанской иконой молился генерал-фельдмаршал Кутузов накануне Бородинского сражения. Эта икона охраняла и защищала Россию от врагов, и поэтому ее особенно почитали. Не было ни одного дома, где бы не было копии-этого образа. Им благословляли новобрачных. В 1904 году икона была украдена и, согласно одной из версий, оказалась за границей. В 2004 году Папа Иоанн Павел II, вдохновленный явлением Божией Матери в Фатиме в 1917 году, в знак дружбы, подарил Московской Патриархии Казанскую ико-

ну Богородицы, прежде находившуюся в его покоях. Однако эта икона (сейчас она висит в Благовещенском соборе Казани) скорее всего, является копией оригинала.

Эта история вызывает волнение, поскольку она подчеркивает духовное предназначение русского народа. В связи с этим следует сказать о том, что некоторые католики находятся под сильным впечатлением от т.н. пророчеств Божией Матери в Фатиме. Православных же в этих пророчествах смущает то, что России якобы нужно «обратиться», хотя, как известно, она издревле является христианской нацией. В истории русской святости Богоматерь являлась много раз, например, прп. Сергию Радонежскому или прп. Серафиму Саровскому. Русских особенно раздражает то, что некоторые католические ордены преподносят это как обращение под знаменем папства. Это еще более усиливает страх перед прозелитизмом, жертвой которого со времен крестовых походов стали многие православные страны. Если бы послание Девы Марии излагалось бы с большей пронизательностью — как и должно быть, когда речь идет о мистическом явлении — если бы эти слова об обращении России интерпретировались как обновление ее крещения и сопровождались бы братской помощью, а не попытками подчинения, возможно, сердца в России вновь открылись бы и свершилось бы подлинное покаяние и обращение.

История этой иконы близка мне и потому, что еще одна икона Казанской Божьей Матери находится в Суфании близ Дамаска, и она тоже чудотворная. Это совсем маленький, ничем не примечательный образ, привезенный Николаем Назуром в начале 1980-х годов из Софии в Дамаск в подарок его молодой жене Мирне. С 26 ноября 1982 года эта икона «плачет», то есть время от времени мироточит. История этой иконы так меня поразила, что я поехал в Дамаск, и в 2010 году опубликовал книгу о Мирне Назур, чьи руки тоже иногда источают миро¹. Мирна — подлинный христианский мистик, и она получила стигматы. В ней

столько смирения и радости, несмотря на ужасные события, происходящие в ее стране.

После того как я помолился перед Казанской иконой в носящем ее имя соборе, я вышел на мост, ведущий через Москва-реку на Красную площадь, где 27 февраля 2015 года был предательски застрелен Борис Немцов. В стороне от проезжей части в окружении цветов помещен его портрет. Тут же два журналиста и какой-то странный старик, разыгрывающий ненормального — его, вероятно, сюда прислали для наблюдения за происходящим. Под палящим солнцем я поговорил с молодой женщиной, которая следит там за порядком и чистотой. Она объяснила, что несколько раз органы пытались упразднить это памятное место. «Но мы всегда начеку и храним память о том, кто был главным противником нынешней несправедливой власти». Я верю, что через несколько лет многие улицы России будут носить его имя. Пока же это единственное место, посвященное памяти Бориса Немцова. Его оберегает молодая женщина, которая убеждена, что Россия выйдет из тупика, если будет чтиться память этого выдающегося человека.

От Кремля я поехал на метро. И тут случилось то, что я назвал бы, вслед за Прустом, мгновением «Мадлен», самым сильным за время этой поездки. Я вновь ощутил те запахи, которых больше нигде в мире нет и которые воскресили во мне воспоминания о моей поездке в СССР летом 1984 года, то есть более тридцати лет тому назад.

Потом, я встретился с Евгением Ивахненко, ректором знаменитого РГГУ, основанного во время перестройки Юрием Афанасьевым, с которым я познакомился незадолго до его смерти. Ивахненко, человек очень любезный и приветливый, начал нашу встречу с того, что неожидан-

¹ Arjakovsky, Antoine. Myrna Nazour.

но предложил совместное сотрудничество. С одной стороны, я был рад, ибо аспирантура философского богословия, которую он намерен открыть в 2018 году, дело нужное и увлекательное. С другой стороны, я не уверен, что во Франции кто-нибудь мог бы заинтересоваться этим проектом. Возможно, Украинский Католический университет и проявил бы к этому интерес, но я сомневаюсь в ответной положительной реакции РГГУ, хотя его ректор и украинского происхождения.

Ректор в дружбе с моей знакомой, философом Анной Резниченко. Они коллеги: Анна преподает русскую философию, он — философию социальную. Он сдержанно отнесся к самому понятию «экуменической науки», которое я продвигал, зная, что в русской Церкви об этом говорят не часто. Я пытался ему объяснить, что дело обстоит гораздо сложнее. С одной стороны, русская Церковь официально поддерживает экуменическое движение и участвует в нем с 1961 года. С другой стороны, экуменическая наука намного шире чисто конфессионального определения, ограничивающего ее изучением разделения Церквей и возможного примирения между ними. На самом же деле экуменическая наука занимается изучением целостного и символического видения мира, способного примирить не только конфессии, религии и различные убеждения, но и сами основы разума и веры. Не думаю, что я смог убедить моего собеседника. И все же, в конце нашей беседы ректор выразил пожелание учесть подобную точку зрения в этом курсе.

Затем Анна провела меня по университету. Она напомнила, что РГГУ размещается в здании бывшей Высшей партийной школы. Когда-то здесь располагался известный университет А. Л. Шанявского, в котором до революции преподавали Сергей Булгаков (в 1913—1914 гг. он читал здесь курс лекций по философии религии) и целая плеяда таких знаменитых русских религиозных мыслителей, как Евгений Трубецкой и Борис Вышеславцев. В ее кабинете

на кафедре русской философии висит памятная доска, посвященная Василию Зеньковскому, председателю «Русского студенческого христианского движения». Это движение зародилось в Пршерове, в нынешней Чехии, а в 1924 году многие участники движения перебрались в Париж. Свой звездный час РСХД пережило благодаря таким выдающимся фигурам, как отец Сергей Булгаков, Николай Бердяев, мать Мария Скобцова и Георгий Федотов. В молодости мне посчастливилось в нем участвовать. Сегодня оно продолжает свою активную деятельность как Движение православной молодежи во Франции.

На стенах кабинета Анны висят портреты многих философов, в том числе, Владимира Соловьева и Павла Флоренского. Среди них и портрет украинца Григория Сковороды, великого философа Премудрости Божией — надеюсь, настанет время, когда он станет мостом между двумя нашими народами... Я с радостью замечаю, что философы РГТУ хотят приобщиться к той традиции русской религиозной мысли, которая сильно повлияла на русскую парижскую эмиграцию и сформировала меня духовно и интеллектуально.

Затем я представил свою книгу «Россия и Украина: от войны к миру?», вышедшую на русском языке в 2014 году. На презентации присутствовали десятки моих коллег и докторантов философского факультета. Атмосфера была накалена и в прямом, и в переносном смысле: за окнами разразилась гроза, и в зале было столь же напряженно. Я, правда, позволил себе критику нынешнего российского правительства. И, пожалуй, пришло время напомнить читателю о некоторых фактах.

Известно, что журналисты и оппозиционеры то и дело становятся жертвами политических убийств. Для России показателен случай Олега Сенцова, осужденного в 2015 году на двадцать лет лишения свободы «за организацию террористической группы», в то время как он просто выступил с осуждением аннексии Крыма. Печально известна

и степень коррумпированности судебных органов. Меньше известно о давлении в регионах на тех, кто публикует непредвзятую информацию. После того как в прошлом году неправительственная организация «Amnesty international» опубликовала свой доклад об ухудшении положения прав человека в России, в частности в связи с принятым 7 июля 2016 года законом «о борьбе с терроризмом», правительство Москвы 2 ноября 2016 года закрыло штаб-квартиру этой организации в столице.

Будучи самой большой страной мира с богатейшими ресурсами, Россия является одной из самых плохо управляемых стран. Так, по показателю валового внутреннего продукта на душу населения Россия оказывается далеко не в первой десятке (а на 72-м месте!). Вместо того чтобы инвестировать в здравоохранение, социальную сферу и инфраструктуру, снижать уровень социального неравенства, вселяя в население уверенность в завтрашнем дне, российское государство планомерно повышает расходы на военные нужды.

В России самый высокий уровень инфицированных СПИДом. Больные СПИДом не получают необходимых для лечения медикаментов. Это объясняется отсутствием целенаправленной государственной политики по снижению рисков инфицирования населения, прежде всего, среди наркоманов, а также препятствиями, чинимыми государством некоторым НПО, готовым оказывать помощь в лечении больных СПИДом.

Несмотря на увеличение числа сотрудников, занятых в системе охраны порядка и МВД (914500 человек), российское государство не справляется с ростом преступности.

Уровень насилия по отношению к женщинам растет, данный показатель один из самых высоких в мире. Рост насилия вызван «патриархальными представлениями и нормами» и высоким уровнем алкоголизма. К этому также следует добавить определенную терпимость в обществе

по отношению к насилию, что особенно скандально, поскольку это привело к тому, что 27 января 2017 года Дума при поддержке РПЦ приняла Закон о декриминализации побоев в семье.

Вызывает возмущение и коррумпированность российской элиты. По данным Transparency International, по этому показателю Россия занимает одно из первых мест в мире. «Панамские документы» в частности обвиняют Владимира Путина в том, что он перевел на офшорные счета более 2 миллиардов долларов. Бывший офицер КГБ считается сегодня одним из самых богатых людей мира, его имущество оценивается в 50 миллиардов долларов. В целом в России 110 миллиардеров контролируют 35% национального богатства. Россия — одна из тех стран, где самый высокий показатель разницы в уровне доходов богатых и бедных.

Многие западные предприниматели выступают против санкций в отношении России. На самом же деле, в отсутствии конкуренции, они колоссально наживаются на самых простых сделках с мафиозными группами. При этом, однако, возрастает опасность, что их репутация будет подмочена связями с мафией. Так, концерн «Сименс» решил расторгнуть контракт с российскими предприятиями, когда в прессе появилась информация о том, что произведенные им турбины без ведома производителя были отправлены в Крым. «Сименс» не хочет выглядеть компанией, для которой прибыль важнее этических принципов. Репутация — ценный, но хрупкий актив. Она создается годами и может оказаться подмоченной после одной-единственной газетной статьи.

Из этой мрачной картины следует, что нынешнее российское правительство не готово принять парадигму «третьей волны» развития европейской цивилизации, которая сегодня распространяется по всей планете. Хотелось бы порадоваться хоть какому-то положительному признаку развития российского общества. Увы, взять хотя бы пока-

затель средней продолжительности жизни в России (63 года), и тот уже удручает: он ниже среднеевропейского на 9, а французского на 14 лет.

Словно существует какая-то структурная проблема на уровне коллективного бессознательного, препятствующая развитию и успешной реализации прекрасных инициатив, которые рождаются в России каждый день. Альвин и Хейди Тоффлер в своих книгах убедительно показали, что правительство индустриального общества, политически централизованного и живущего за счет нефтяных ресурсов, не в состоянии управлять обществами так называемой «третьей волны», построенными на информативности, децентрализованности и богатстве знаний. Поэтому существует риск того, что кремлевская крепость может рухнуть в силу своего стремления вернуться к модели первой волны, устроенной на принципах коллективизма и основанной на феодальном подчинении сюзерену, ставшему на сегодняшний день в значительной мере мафиозным.

Нужно сказать, что в РГГУ я не стремился к полемике. Я не приводил всех аргументов, будучи уверен, что преподаватели российских университетов и без меня их знают. Я лишь упомянул некоторые факты, которые нередко замалчиваются, например, о несомненном присутствии российских солдат и российской военной техники в Донбассе, а также я напомнил о международном осуждении — если не считать 10 стран, таких как Сирия и Венесуэла — российской аннексии Крыма в марте 2014 года. Я признал, что западные демократии далеко не идеальны, но моей целью было показать, что проблемы можно решить, если хотя бы преподаватели российских университетов согласятся вступить в диалог со своими западноевропейскими коллегами в области обновленной философии права, в поисках нового этического определения государства и в критическом переосмыслении православия, которое сегодня

воспринимается как застывшая память о прошлом. Когда-нибудь я опубликую свое выступление.

Во время своего выступления я заметил, что большинство слушателей поддерживают мою позицию. Но во время дискуссии они были пассивны, разумеется, за исключением Анны и декана (женщины очень милой; но вопросы она задавала не по делу). Выступила лишь некая А. С., заявившая, что факт ввода российских войск в Донбасс не доказан и что референдум по Крыму не является незаконным. На какое-то мгновение я почувствовал, что эта женщина, явно излагавшая официальную версию российских СМИ, на самом деле очень хотела бы, чтобы мы пришли к консенсусу, но при этом остается на стороне сильнейшего. Тогда я понял, насколько трудно вести бесстрастный диалог с преподавателями российских вузов. Во всяком случае, я высказал всё, что хотел, и напомнил им об их ответственности.

В 15:30 за мной зашел А. Клепинин. Мы не сразу нашли друг друга. Наверно, забавно было бы наблюдать с птичьего полета, как два дальних родственника растерянно крутятся перед зданием РГГУ под дождем. А. К. сразу же произвел на меня прекрасное впечатление. На первый взгляд он дружелюбен и приветлив, но при этом держится с достоинством: так, он быстро поставил на место сотрудника какого-то страхового общества, занимавшего его по телефону. По пути к «Дому Кино», где должна была состояться презентация фильма об Эвересте, мы начали разговор. Он бывший вице-президент Российской федерации альпинизма, а в настоящее время занимается торговлей спортивными товарами, в частности, очками для горнолыжников. Бывает в Европе, особенно часто во Франции и Германии. Женат во второй раз, и каждый раз стал отцом. Его теперешняя жена накануне нашей встречи уехала в Валаамский монастырь.

Когда мы уже сидели на террасе «Дома Кино» и я с большим удовольствием вспоминал свои прошлые приезды в Москву, я узнал самое интересное, а именно, что А. страстно увлечен генеалогией. Потом мы заказали пирожные «Наполеон», и А. рассказал мне о своем увлечении. В начале 1970-х они с отцом гуляли по Свердловску (так в советское время назывался Екатеринбург). Там на выставке, устроенной напротив Ипатьевского дома, где была расстреляна Царская семья, они наткнулись на доску с фамилией Клепониных и упоминание об их имении — Никольском. Это поразило их особенно потому, что живя в стране победившего пролетариата они ничего не знали о своих корнях. Это и побудило А. заняться генеалогией. В начале 1990-х когда я работал в Москве, я тоже занимался генеалогическими изысканиями. Мы нашли друг друга по интернету, я передал ему то, что выяснил у Дмитрия Александровича Клепинина и у моей матери (дерево Николая Андреевича). Это помогло ему уточнить свою информацию и проверить достоверность моей.

Так, он не нашел подтверждений семейной легенде, рассказанной Софой, кузиной моей матери, согласно которой кто-то из Клепониных был причастен к ереси «хлебопоклонников» и за это был сослан в Сибирь. Эта мнимая ересь заключалась в том, что во время епиклезиса «хлебопоклонники» совершали коленопреклонение на манер католиков. Это предание, услышанное Софой от ее отца Николая Андреевича, объясняло, как Клепонины после Москвы оказались на Урале.

Зато ему удалось найти переписку 1747 года между Павлом Федоровичем Дягилевым, предком знаменитого организатора русских сезонов в Париже Сергея Дягилева, и Иваном Клепониным (1710—1784), моим прапрадедом в пятом поколении, жившим тогда в Перми. Он нашел также описание герба и семейной печати Клепониных. Это меня особенно тронуло, ибо мама ничего мне не рассказывала о семейном гербе. Я еще явственнее осознал бли-

зость к своим предкам. Когда я побывал на русском севере, я увидел необъятную красоту его природы и понял, какой же силой духа надо обладать для того, чтобы там жить.

Когда мы на прощание пообещали друг другу увидеться снова, А. поделился со мной еще одним соображением относительно его увлечения родословной. Он сказал, что материальное имущество, которое он может передать своим детям, бrenно, а сохранение семейной памяти о прошлом, каким бы трагическим или славным оно не было, останется навсегда. Думаю, что именно в этот момент я нашел ответ на свои размышления о русской душе и ее судьбах, которые занимали меня с самого начала этой поездки. Если бы нынешние русские задумались над своим прошлым — сначала на семейном уровне, а затем на национальном — и попытались бы понять причины своих страданий и своей славы, то они смогли бы вынести нравственное суждение, способное распознать и навсегда победить зло, и тогда нация смогла бы постепенно возродиться.

Я не сообразил записать и сфотографировать все принесенные А. К. документы. В нашей встрече было что-то такое, чего словами не скажешь. Мы просто решили, что настало время перейти на «ты».

День прекрасно завершился ужином на Плющихе у Андрея Борисовича Зубова. Для многих этот человек — «совесть современной России». Меня он очень радушно принял, и это было для меня большой честью. Он представил мне свою жену, признанного египтолога, двух своих дочерей, зятя и обоих внуков. Был также его молодой друг А., руководивший его избирательным штабом во время октябрьских выборов в законодательное собрание. Атмосфера была очень теплая, ужин вкуснейший (обожаю семгу!), вина — превосходные. Мы много смеялись, поскольку Андрей Борисович любит пошутить, как говорят русские,

«в рамках приличия», что так характерно для среды русской интеллигенции.

Мои собеседники довольно пессимистически оценивают нынешнюю ситуацию. Они обеспокоены «возвращением к сталинизму», о чем говорят многие СМИ (мой друг Николай Эппле убежден, что это миф, выгодный власти для запугивания населения красной тряпкой, да еще парочка наводящих трепет опросов). И все же Андрей Зубов — оптимист. Для него самое главное сегодня — не лгать, не бояться и не дать себя запугать. Снова заговорили о прошлом, что естественно для историков. Речь зашла о позорном процессе против историка ГУЛАГа Юрия Дмитриева, осужденного за организацию митингов у массовых захоронений в Архангельской области на месте совершения сталинских расправ. Разговор также коснулся и более общей темы постсоветского человека. Его совесть — не личную, а коллективную — невольно обременяют десятки миллионов жертв, не говоря уже о не столь громких убийствах, ставших обыденным явлением для почти трех поколений *homo sovieticus*. Такие муки совести нестерпимы, даже если их переживаешь лишь несколько мгновений. Андрей Борисович поделился своими сокровенными мыслями о необходимости любить свое прошлое и своих родителей, но никогда не оправдывать их проступков. Прекрасный урок мудрости.

Это напомнило мне интервью Ирины Прохоровой, главного редактора журнала «Новое Литературное Обозрение», принадлежащей — наряду с Людмилой Улицкой и Ольгой Седаковой — к ведущим российским интеллектуалам. Прохорова считает, что русское сознание заполонили мифы, ведущие к травматическому возвращению к добровольному рабству. Преподавание истории в духе победоносной воинственности и официозной государственности приводит к идее постоянного самопожертвования на благо государства. Любить родину — значит лю-

бить власть. Вот почему люди не любят, когда критикуют советский период. Ибо если эта критика справедлива, то это значит, что их жизнь до крушения империи не имела смысла. Они не способны отделить свою жизнь от жизни государства. Прохорова задается вопросом: «Как же после этого осознать преступления сталинизма? Ведь в каждой семье найдется скелет в шкафу...»

Когда ее спросили, а разве не труднее управлять свободными людьми, она отвечает так, как мало кто из нынешних русских мог бы ответить: «Напротив, свободными людьми управлять куда проще. Свободные люди ответственнее, они защищают свои права и уважают законы. Чем больше людей, принуждаемых к рабскому труду, тем безответственнее общество». Демократия — это не только демонстрации на улицах, это жизнь в системе, при которой за свои поступки вы отвечаете перед правосудием. Это налагает на вас больше обязанностей, но при этом дает возможность побороть главную болезнь русской души — зависть. На эту болезнь уже давно указывал Достоевский. Она состоит в ненависти раба ко всему свободному. Это обратная сторона государственного популизма. Без этой болезни души государство не смогло бы мобилизовать население против «чужих», будь то «кавказцы» в 1990-е, «американцы» в 2000-е или «украинцы» сегодня. По мнению Сергея Медведева, профессора Высшей школы экономики в Москве и обозревателя журнала «Форбс», эта зависть происходит от неспособности изменить внешние обстоятельства своего существования, от невозможности догнать Запад, преодолеть собственную провинциальность. Бессилие выливается в демонизацию противника, в создание вымышленной реальности, где Россия в одиночку противостоит всему остальному миру». Как пишет в своей статье «Ода мелочам» Дарья Чернова, живущая в Дании русская эмигрантка, «жить в правовом государстве — это прежде всего исполнять гражданские обязанности, начиная с сортировки мусора до оплаты коммунальных услуг».

Всё это вновь подводит меня к самому существенному для будущего русской души вопросу, а именно — как в России преподавать историю и как правильно понимать свободу. Перед ужином Андрей Зубов пригласил меня к себе в кабинет, и мы побеседовали с глазу на глаз о текущих политических событиях: об аресте Навального, о Путине, предостерегающем украинцев от сближения с «голубой Европой», то есть с «Европой геев». Это предостережение из уст российского президента прозвучало в его ответе президенту Порошенко, который процитировал стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия» (1841) после объявления о том, что украинцы получили право на безвизовое трехмесячное пребывание в странах Евросоюза. Это застарелая обида — европейские дипломаты знают, что Кремль вот уже 20 лет мечтает о свободном передвижении по Европе. Но после вторжения в Грузию в 2008 году под предлогом защиты Южной Осетии, государства, искусственно созданного Сталиным, и после путинской попытки сломить национальное движение грузинов, русские поняли, что безвизового посещения Европы им не видать.

Вдруг, совершенно неожиданно для меня, разговор зашел о предопределении. Как согласуется вечность божественного промысла с конечностью человеческих деяний? Этот вопрос насущен для тех, кто действительно пытается противостоять нынешнему российскому режиму. Зубов вспомнил пророка Иону, предупреждавшего жителей Ниневии о том, что Бог разрушит их город. Однако Бог этого не сделал, и пророка это очень огорчило. По мнению Зубова, этот пример свидетельствует о том, что Бог не побоялся дать человеку полную свободу. И как потом Бог разъяснил Ионе, по Его состраданию к людям, даже «не умеющим отличить правой руки от левой» (Ион. 4, 11), человек каждый день может творить свое новое будущее.

Зубов также признает, что испокон века в мире действует божественный Промысел. Он привел довольно про-

тиворечивый пример о том, как Иисус сказал Петру, что он предаст его трижды, прежде чем прокричит петух. Тем самым встает вопрос, над которым должно быть размышляли все преемники Петра: «Обладал ли Петр достаточной свободой, чтобы осмыслить и избежать этого пророческого видения Христа?»

Трудно было бы подобрать более подходящий пример для разговора о русской душе. Именно такими метафизическими вопрошаниями терзается русская душа. И пока не найдены ответы, существует опасность, что ее трагическая судьба повторится. Ибо есть такие, кто считает судьбу беспощадной, и поэтому они опускают руки. Есть и такие, кто считает возвещающих беду пророков обманщиками, ибо Бог, если он есть, в человеческую историю не вмешивается. И мало тех, кто понимает, что история мира — это ничто иное, как любовное и потому сверхразумное *сплетение* двух волей, божественной и человеческой.

История России и мира — это ничто иное, как непрерывная череда восхождений и нисхождений, расставаний и встреч на той от века явленной нам вертикальной лестнице, что связывает и разделяет Иерусалим земной и Иерусалим небесный.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Суббота, 1 июля, 11:00, в самолете

Мы летим над облаками, а внизу — Россия. Этот день для меня особенно волнителен. Я думаю о своей сестре Марине, ушедшей в этот день 15 лет назад. И она — над облаками. Я слушаю песню в исполнении Барбары.

Эта песня беспрерывно повторяется в моих наушниках: «Скажи, когда ты вернешься?» Барбара написала эту песню в 1961 году, думая о живущем в Абиджане дипломате, которого она любила и который всё никак не приезжал к ней в Париж:

Сколько дней минуло, сколько ночей,
С тех пор как ты ушел,
Сказав, что уезжаешь последний раз
Для наших израненных сердец — это последнее крушение,
Вот увидишь, я вернусь весной
Весной так прекрасно говорить о любви
Мы вновь увидим цветущие сады,
И будем бродить по улицам Парижа.

Скажи, когда ты вернешься?
Скажи, знаешь ли ты,
Что время бежит и его не догнать,
Что утраченное время
Не поймать.

Но эта песня не только об утраченной любви. Барбара — тоже русская. Точнее, ее предки были из украин-

ских евреев. Ее бабушка Варвара (Хава) родилась в 1878 году в Златополе. Саму же певицу, родившуюся 9 июня 1930 года в Париже, звали Моник Серф, и в качестве псевдонима она взяла имя своей украинской бабушки. Барбарá постоянно общалась с артистами русского происхождения такими, как Морис Бежар или Михаил Барышников. Долгое время я не знал о том, что певице пришлось пережить в детстве: о том, что отец посягал на ее невинность, о вечных переездах с квартиры на квартиру из-за неурядиц в семье, о том, что во время немецкой оккупации им пришлось скрываться из-за еврейского происхождения. В ее особенном голосе так много боли, в ее грустных песнях так много русской души. Но в этих песнях также чувствуется и большая любовь к Парижу, городу в котором родился и я.

Я закрываю глаза и думаю, что если Барбарá, несмотря на все страдания, что ей пришлось пережить, смогла исцелить свои раны и подняться к вершинам своего искусства, то и русские тоже смогут это сделать. Путь этот, безусловно, как и у певицы, будет столь же болезненным и долгим. В другой ее песне, «Гёттинген», написанной на одном дыхании в 1964 году, говорится о преследуемой немцами еврейской девочке, которая смогла — мы не знаем как — найти в себе силы примириться с действительностью. Сейчас эта песня, процитированная и Франсуа Миттераном, и Ангелой Меркель, стала символом франко-немецкого примирения. Она даже входит в официальную учебную программу французской начальной школы. Нет ли в нынешней России какого-нибудь певца, который сделал бы то же самое — написал бы простую песню, способную примирить наследников русской эмиграции Георгия Федотова или Барбару с наследниками советской России, такими как Венедикт Ерофеев или Андрей Тарковский? Кто напишет маленькую кантату, способную разогнать тучи прошлого и позволить всему миру — всем, кому дорога культура, — заново открыть для себя родину Радищева,

Пушкина и Седаковой? Я мечтаю о большом концерте, знаменующем примирение между народами России и Украины, на котором вместе выступили бы Андрей Макаревич, известный лидер группы «Машина времени», своего рода Джон Леннон русского рока, и Святослав Вакарчук, харизматичный певец и лидер группы «Океан Эльзи», новый Пол Маккартни на украинской эстраде...

Это насущная необходимость. В противном случае Российское государство рискует тем, что свободный мир пойдет греться под другим солнышком. А для русской души это риск упустить время, а «утраченное время не поймать».

Сколько бы я тебя не любила, люблю навсегда,
Раз ты не понимаешь, что должен вернуться,
Я сотку из нас самые светлые воспоминания,
Отправлюсь в путь, и мир меня пленит,
Буду греться под иным солнцем,
Я не из тех, кто умирает от горя,
Во мне нет терпения жены моряка.

Скажи, когда ты вернешься?
Скажи, знаешь ли ты,
Что время бежит и его не догнать,
Что утраченное время
Не поймать.

Антуан Аржаковский

Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву
Анатомия русской души

Переводчик Елена Аржаковская-Клепинина (Париж, 2018)

Антуан Аржаковский — французский историк, публицист, общественный активист русского происхождения. Директор по научным исследованиям Колледжа бернардинцев (Париж). Основатель Института экуменических исследований Украинского католического университета.

Русская душа больна, давно и серьезно. Больна до такой степени, что в ближайшие годы Россия может погрузиться в хаос.

И все же у русской души огромные внутренние резервы, которыми ей нужно воспользоваться как можно скорее, если она хочет избежать нового насилия. Эта духовная работа по смирению должна сопровождаться попыткой понять болезни русской души. Ибо у неё есть друзья — в России и в мире, которые готовы ей помочь раскрыть свои духовные возможности и способствовать исцелению русской нации.

ISBN 978-5-0050-4376-4

9 785005 043764 >

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!